

СМЕНА

14 1960

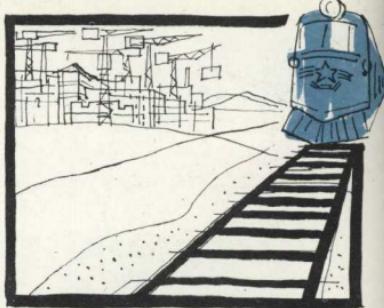
Две в пути...

Час настал, простились они с родными и знакомыми. Пристали к с большим шумным городом, где росли и учились, получали диплом и путевку в жизнь.

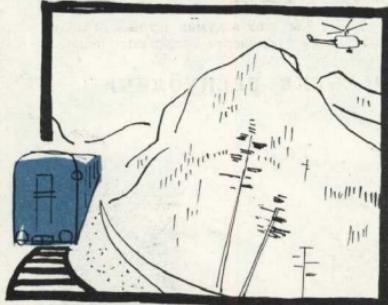
— Счастливого пути! — говорили им, пожимая руки, старые друзья.

Впереди дальние дороги, впереди незнакомые станции, и полустанки, и горы, и реки. И вот уже во всей красе, в многообразии удивительных картин открывается взгляду дорога сердцу земли.

→

Окраина города. Высоко в небо взметнулись ажурные стрелы башенных кранов, поднялись строительные башни. Где-то там, на самом высоких пиках, прервав на минуту работу, склонят головы молчаливые паренек-строитель. Может быть, и его манят неоглядные дали, или же знает, чем думает он в эту минуту, провожая взглядом сооружение. Не в том ли, чём думали совсем недавно эти двое, получив диплом, не о дальней ли дороге на восток?

На восток. На восток. На восток... Стучат и стучат колеса. Проносится мимо громады гор. Летит над ними серебристая птица — вертолет. Кого уносит он далеко в горы, в глубинные места, куда ни пройти, ни добраться? Кто ищет в горах? Кто ищет сокровища земли? Таных же, как эти двое, инженеров? Может быть... Всюду бьется горячий пульс жизни.

→

И опять леса новостройки. Но не стены жилых домов, стальные каркасы цехов поднимаются в синее небо. Ещё привычны ли стены сплошные, неутомимо работают экскаваторы. Люди сваривают метал, роют котлованы, укладывают бетон. И недалек час, когда из лесов, пробитых горновым, хлынет в ковши солнечная струя чугуна...

Грохочет железо, мельчают фермы моста... Много рек на большом пути! И плывут по ним нараваны судов. Хлеб и лес, руду и нефть, уголь и машины везут суда в речные и морские порты...

→

А дорога огибает скалы, пробивается между гранитных громад и вырывается в тоннель. За окном гремит темнота...

(см. третью страницу обложки.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

14 ИЮЛЬ 1960

Год издания тридцать седьмой

«СТЫД»

РАССКАЗ

Вилиса
Лацаиса

публикуется на стр. 5.

В ЧЕМ ОНО, СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА?

«В чем оно, счастье человека?» — над этим задумались комсомолцы Таллухинской школы Ярославской области. Они решали попросить людей, умудренных большим жизненным опытом, ответить на этот вопрос.

— Что думает о счастье писатель Леонид Леонов?

— Что скажет Герой Советского Союза Алексей Маресьев?

— Какой ответ даст Герой Социалистического Труда Валентина Гаганова?

— Что скажут об этом другие прославленные люди нашей страны?

И вот из Таллухинской школы в разные концы страны — и в Москву, и на Рязанщину, и на Украину — полетели задушевные письма знатным, авторитетным людям с просьбой ответить на волнующий молодежь вопрос.

А тем временем комсомольцы внимательно читывались в мудрое речь Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола, листали книгу Михаила Ивановича Калинина о коммунистическом воспитании, перечитывали Н. Г. Чернышевского. В каждом классе, в каждой комсомольской группе шел разговор о долге, о чести, разговор открытый, прямой. Потом, когда пришли ответы, комсомольцы собирались все вместе. В зале как бы присутствовали и гости из Москвы, Киева, Рязани, за плечами которых годы упорного труда, отважных схваток на фронтах войны, присутствовали люди, жизни и поступки которых служат бесценными примером для молодого поколения.

Один за другим вскрывались конверты.

(Продолжение
на 2-й стр.)

О труде и отдыхе, о мечтах и думах эстонской молодежи рассказывается в фотоочерке наших специальных корреспондентов

Ровесники республики

См. стр. 14.

В разделе
«ПУБЛИКАЦИЯ «СМЕНЫ»

на стр. 18
вы найдете сегодня

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЛАКАТЫ

ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

ИНТЕРЕСНУЮ ИСТОРИЮ,
РАССКАЗАННУЮ
ТАТЬЯНОЙ С. МЫ ПЕЧАТАЕМ НА СТР. 28 ПОД
ЗАГОЛОВКОМ

«АЛЫЕ ПАРУСА»

В ЧЕМ ОНО, СЧАСТЬЕ?

ВОТ ЧТО ОТВЕТИЛИ ТОЛБУХИНСКИМ КОМСОМОЛЬЦАМ

ЛЕОННД ЛЕОНОВ,
писатель, лауреат Ленинской премии:

НЕТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ ЗРЯ

Я полагаю, высшее счастье для каждого в том состоит, чтобы оказать Отчизне, а тем самым и человечеству такое благодарение, сделать людям такой подарок посредством какого-нибудь личного достижения, чтобы это еще более выяснило нас на вершине знания, материального богатства и моральной чистоты.

Для этого надо действовать немедленно, идти к цели напролом, не зияя на трудности, не терять ни минуты зря, потому что пропавшая часть жизни не возвращается.

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза
министр обороны СССР:

РАДОСТЬ В СОЗИДАНИИ

Дорогие ребята, получил ваше письмо. Спасибо вам за теплые пожелания, которые вы высказали в мой адрес.

Очень хорошо, что вы ставите на обсуждение комсомольского собрания вопрос о счастье. Молодежи важно четко разобраться в этом, потому что на ее плечах ложится ответственнейшая задача строительства прекрасного коммунистического общества.

Думается, что в основе нашего разговора должен быть положен труд. Только созидательный труд способен принести человеку настоящее удовлетворение.

В самом деле, что может быть приятнее, чем видеть плоды своих усилий, чем знать, что и ты приносишь пользу народу!

Г. А. БЕЛОВ,
народный артист СССР:

ВАМ ОТВЕЧАЮТ МОИ ГЕРОИ

Я живу уже 64 года. Из них 45 лет отданы театру, работе актера. Много создал я спектакльных образов, многие из них могут ответить за меня.

Иван Владимирович Мачурин всю свою большую жизнь посвятил преобразованию природы. Когда наша Советская страна отмечала его 80-летие, он сказал:

Сбываются мечты народа, сбываются мои мечты! Вижу будущее Родины моей в цвету и говорю: я счастлив. Вперед, современники! Пусть превратится в сад советская наша земля! Пусть украсит она человечество!

А великолепный образ полковника Воронова в пьесе Петра Павленко «Счастье»?

— Двадцать лет я в партии и чувствую, не сознанием, а племчом, телом своим, дыханием своим чувствую, что я — народ, в народе, с народом, что я его голос. Ах, как мне повезло! Какое это счастье!

Сейчас в нашем театре идет спектакль «Иркутская история». Герой в этой пьесе говорит:

в спор на исторические темы, у Бориса было очень грустное лицо. Мы будто не замечали этого, спорили еще громче и даже звали его рассудить нас...

Наступила осень. Как-то он подошел ко мне совсем расстроенный.

— Знаешь, Геннадий, пожалуй, мы не место в бригаде коммунистического труда.

— Чем дело брак допустил? Аварию сделал?

— Нет... По работе все в порядке. А вот учеба... Отстаю я от вас, ми лучше уйти.

— Почему не хочешь учиться? Говори прямо.

— Совсем не знаю, за одну парту с семидесятилетними мальчишками садиться.

Что делать? Решили обсудить сообща. И ребята задали ему такого перца, что он не знал, куда глаза девать. Особенно страдала его Катя. Закончила она, словно приговорила:

— Как же женщина, я поступила бы на своем месте только так...

Через два дня Борис после работы отправился в нашу вечернюю школу. В этом году он поступил в машиностроительный техникум.

— Но мы не только учимся. Нам приходится наладить. Каждый вечер спасение после смены члены бригады Володя Тимофеева, первоклассного, между прочим, томара. Идет, чертятся и право и мастерство:

— Что же это у нас со студентами делается? Инструмент ломают, детали портят, хнычат — не получается...

— А ты что, в нянки напрашивашась?

МЫ ШАГАЕМ В ЗАВТРА

«А что делать дальше? Ведь показатели в работе — это еще не все!..»

Эти слова я слышал от людей, жаждо ищущих пути в будущее, пути самые верные,

самые близкие сердцу.

С Геннадием Денисовым, токарем Ленинградского металлического завода, мы встретились не случайно, и разговор наш затянулся не из избытка времени, а от пространства, от места, от наших мыслей, на которые не тратят: так или не тратят.

Вспомнила рассказанные Геннадием, я хочу передать все его словаами. Может быть, я буду не совсем точен в некоторых деталях, но я никогда не забуду «душу» его рассказа, а это самое главное.

Ю. ЦЕННИН

ЧЕМ ЧЕЛОВЕКА?

— Дела человека всегда должны быть хотя бы чуточку лучше его самого. Когда делаешь полезное, нужное людям дело, и сам становишься лучше. И какое большое в этом счастье!

Эти мысли и сокровенные думы моих героев я глубоко разделяю. В труде, полезном, нужном людям, всегда можно найти большое счастье!

П. Н. КОВРОВА,
дама Герой Социалистического Труда:

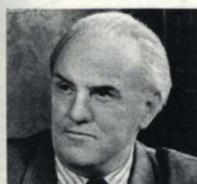
«СЕКРЕТ» ПРОСИ

С большой радостью отвечаю вам, дорогие ребята. Только ведь я, пожалуй, никаких секретов не открою, если скажу, что счастье — в любимом труде.

Труд облагораживает человека. Отличитесь, посмотрите по пристальному покру — и вы соглашитесь со мной.

Вот потому я и желаю вам прежде всего успехов в учебе, успешных трудов на благо нашей дорогой Родины.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ,
писатель, председатель Советского комитета защиты мира:

Я ВИДЕЛ, КАК ПРЕОБРАЗИЛСЯ МИР

«В чем заключается счастье человека?» — спрашиваю вас, ребята. Этого, конечно, одним словом не объяснишь. Наше общее счастье в том, что мы живем в Советской стране,

дат Токарная работа — творческая. Каждое занятие нужно решать по-новому. Это первое. По тем же принципу есть книжки, можем перекомпоновать. Это второе. А в третьих... Третье я адресовал к студентам в пиджаках. Занозистый такой парень! — В третьих, в нашей работе надо иметь не только острий язык, но и острый ум, что не всегда почему-то совпадает. Чаще как раз наоборот.

Пошутили, поблагурили, и Володя снова взялся за дело. Три часа мы задавали студентам «шпаряды» и «ребусы» и разгадывали их вместе ту же, на стакан. Мы показали им, что рабочему на современном заводе надо быть грамотным, находчивым, изобретательным. Мало просто знать. Надо выстроить в себе своих знаний. Когда каждый рабочий достигнет этого, говорили мы тогда в производстве наступит эпоха коммунизма...

— Весь вы из бригады коммунистического труда!

Мы переглянулись с Володей. Куда там! Нет, мы только на слово. Мы учимся, но наши знания имеют двойную цену, потому что они тут же обогащаются работой. Да, мы только на практике, путь к этой самой эпохе...

С тех пор студенческий семинар стал действовать постоянно. Тимофеева на участке прозвали «профессором», шутники подарили ей в день рождения очки в золотой оправе.

Нередко, заставляя меня за грязным сопроматом, ребята спрашивали: «Ну как, очень труд-

живем в прекрасное время бурь и революций, в том, что мы с вами, надеюсь, доведем до крушения всей системы капитализма.

Но есть счастье, о котором русский народ мудро говорит: «Счастье в нас, а не вокруг да около». Если человек не чувствует себя сам счастливым, никто ему не докажет, что он счастлив.

Старик Бакшеев, советский художник, когда ему уже исполнилось 90 лет, сказал о себе: «По многим причинам я считаю себя счастливым человеком. Жизнь ставила меня с такими людьми, с такими художниками, творческими горением которых, их искусством, посвященным народу, я восхищался. Я участвовал в великом товариществе передвижников, члены которого поборались за реалистическое искусство. Мне, одному из немногих передвижников, довелось работать в советское время, когда не стоит никаких преград между художником и народом».

Иной сказал бы: счастье человека — в чувстве исполненного долга по отношению к своим землякам, к Родине, к человечеству.

Наши бойцы были несомненно счастливы, когда дошли до Берлина. Они видели свою цель в извержении фашизма, на несущего тяжкие раны Родине. В эту минуту победы они были счастливы, что кончились войны, что победило правое дело. Иначе говоря, человек может быть счастлив, если он посвятил себя служению великому идею.

На вопрос о любви Лев Толстой хорошо сказал: сколько людей — столько сортов любви на свете. То же можно сказать о счастье: сколько людей — столько и сортов счастья на свете. Один скажет, что он имеет много детей, умных, здоровых, другой — что нашел свое призвание; третий хотел увидеть мир и увидел многие милые люди; пятый прожил честно трудовую жизнь, помогая своим согражданам; шестой, будучи простым моряком в юности, стал адмиралом, известным, славным, боевым, и, конечно, счастлив тем, что выбранный им путь привел на вершину его профессии.

Вероятно, для Колумбуса счастливейшим днем его жизни был тот, когда он открыл Америку. Я же — скажу вам откровенно — счастлив потому, что видел своими глазами, как изменился мир, как стал он светлее, чище, лучше, чем тот отвратительный мир угнетения, о котором вы по молодости лет не имеете понятия.

Желаю вам счастья самого большого и самого доброго, мои юные друзья!

но? Я отвечаю: не учился — и свободного времени не было, теперь учусь — и времени есть. Теперь я ценою то, что раньше не занимал, понял, что бессовестно транжирил множество часов, сложенных из свободных получасов, десяти- и пятиминуток.

Я как бы спросил свою жизнью, сделан ее позже, увесистой. Мне надо торопиться. Ведь за плечами уже 28, работал я из них 13 лет, а кажется, что я еще не сделал в жизни почти ничего. Хочется большего. Надо очень много знать и многое уметь. Уже сегодня быть похожим на человека «защищенного для — такую цель яставил перед собой я и моя товарищи по бригаде».

Какими будет этот человек, мы точно не знаем. Он должен быть честным и принципиальным — и мы не спускаем ни себя, ни друзей, ни начальству. Он должен быть чутким к людям — и мы помогаем всем, кому можем...

Однажды я слышал, как лектор назвал любителей будущего общества «многогранными». Звучное слово! За него видится что-то очень красивое и сильное. Ну, что ж, цель есть, и постепенно мы ее добьемся. Пора уже нам нарезать эти грани, понимаю шлифовать их — ведь с человеком это проделать куда труднее, чем с металлом.

Воспитывая в себе коммунистические черты, мы убедились, что это не только необходимо для каждого, но и захватывающе интересно. Живешь в мире непрерывных открытий. Это

Мастер в сердцах произнес несколько слов, от которых в нашей бригаде давним-давно отвалились... Надеюсь они мне до греха! Задумись хоть ты с ними, Тимофеев.

Собрав Владимир вокруг себя делят студентов, взяли чертежи заготовку, стала за станок и, обясняясь на ходу своих действий, обработала деревянную втульку, как он волновался. Голос драматическим стал, движения — замедленными... Но все же сработал на минуту скорее нормы.

Посыпались вопросы. В практике Тимофеев спокоен, а в теории хромает: образования мало.

— Скажите, а почему при такой большой подаче у вас резец не раскрошился?

Задумался Владимир. Вот где бы ему пригодился супрапон! Он только почесал затылок.

— Чувствую метал, как его резец берет...

— А если я нечувствительна, так мне, значит, и работать нельзя? — допытывался розовощий юноша в модном коротком пиджаке, хань стараясь посадить в голову учителя.

— Марку стали знать долями, и опять же, какими речи...

— конкретно: какие примеси содержат эта марка! Как они влияют на разрезан? Вы это знаете?

Молодой человек говорил небрежно, давая понять, что он плевать хотел на всю эту практику. Урок превращался в экзамен учителю. Я двинулся к Владимиру на помощь.

— Рецептов на все случаи, товарищи, не буд-

В ЧЕМ ОНО, СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА?

ВАЛЕНТИНА ГАГАНОВА,
Герой Социалистического Труда:

ЛЮБИТЕ ТРУД

Я никогда не думала, что мой поступок найдет такую широкую поддержку советских людей. Сейчас я получаю много писем — десятками каждый день. И как же радостно сознавать, что совсем незнакомые мне люди живут со мной одинаковыми мыслями!

И это счастье принесли мне мой труд, моя работа и золотые руки моих подруг. Работать в большом дружном коллективе вместе учиться и отмечать — это большое счастье. Никогда не оставляйте в беде товарищей, любите труд!

МАРИЯ КОРХ,
депутат Верховного Совета УССР:

ЖИВИТЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Вспоминаются мне мои школьные годы. Окончила я семь классов и остановила учебу: нас у матери было семеро, отец погиб на фронте. Пришлось работать в колхозе и помогать матери по хозяйству. А спустя некоторое время я поступила на Киевскую фабрику имени Р. Люксембург.

С тех пор утекло воды немало. На фабрике я вступила в ряды Коммунистической партии, окончила техникум,

Училась на 3-м курсе, я стала работать бригадиром на конвейере. А когда страну облетела весть о замечательном почине Валентины Гагановой, не осталась в стороне — перешла на стажировку бригадиром.

В первый месяц мы выполнили план на 102 процента, на праизводство Октябрь — на 110 процентов. В новом году — уже на 112,5 процента. Хорошая и дружная стальная моя бригада. В нее придаст четыре девушки, большинство из которых мои бригады.

На мою долю выпало большое счастье — меня избрали членом путевого Верховного Совета Украинской республики. Я благодарю рода, что принесли пользу людям, и жизни мою — в учебе, в работе, в дружбе — не променяю ни на какую другую.

АЛЕКСЕЙ МАРЕСЬЕВ
Герой Советского Союза:

НАХОДИТЕ ГЕРОИЧЕСКОЕ В БУДНИЧНОМ!

Главное в деятельности Комитета ветеранов войны, где я работало ответственным секретарем, — борьба за мир. С этой целью мы организуем встречи участников Великой Отечественной войны, приглашаем участия в международных встречах антифашистов, бывших узников концентрационных лагерей. Мне часто приходится выезжать в разные места Советского Союза и за границу. И во всем этом я нахожу большое удовольствие.

А вам, ребята, я хочу пожелать одного: мечтайте о геройских делах, учитесь находить эти дела в вашей повседневной жизни. Нет ни одного участка в работе, ни одного уголка на нашей необъятной стране, где бы невозможно было проявить свои силы и способности и где бы не трудилась наша прекрасная молодежь!

* * *

ВСЮХОЮ ГАДОЙНЯ

Много мыслей, раздумий родили эти ответы.

Труд — превыше всего! Только он способен принести человеку настоящее удовлетворение. Вот главный вывод, который сделали для себя толбухинские комсомольцы.

И, наверное, среди участников диспута не было такого человека, который бы серьезно не задумался о своем месте в жизни, о том, какова его роль в строительстве нового мира.

И несомненно, что разговор этот поможет молодым людям стать подлинными борцами за «счастье — мужественными, отважными, стойкими».

как у ребенка: еще вчера он считал свой двор и свою улицу центром всего света, сегодня он скрывает для себя город, когда он узнает, что «центр» — это целый земной шар. Так и мы в будущем нашей учебы и работы открываем для себя новые материи и цепь оканы неизведанного.

Говорят, работать — это только отдавать. «А когда же браты?» — спрашивают некоторые. Ведь до сих пор принять узнавать о благополучии человека: «Что ты получаешь от жизни?»

Беден тот, кто так разрывается жизнь на две части. «Отдавать и получать» для нашей бригады давно стало нераздельным понятием. Мы не раз испытывали радость труда «с полной отдачей». Эта радость, наверное, называется чувством собственного достоинства.

Попробуйте пригласить Володю Тимофеева на веселую вечеринку, когда он занят творческой участкой или со своей студенческой группой! Позовите Бориса Бубнова, когда он идет на занятия, в интересную компанию, где будут сидеть новые девушки (в он парень холостой и увлекающийся)! Предложите Кате Жуковой быть на ее веселой «празднике» для, когда она выполняет задание комиссии по туризму. «Бороды». «Искунение» огромит кого, пожалуй, троекратно каждого из них. Но ни один не покинет в ущерб своему долгу. Есть написанное правило у ребят нашей бригады: «Делай так, чтобы всегда чиста была совесть перед товарищами и перед самим собой».

Наверстарайтесь каждый из них почувствует себя победителем. Разве это не лучшая радость? Разве это не высшая свобода — не быть рабом своих мелких желаний и настроений?

Вот почему мы говорим, что «давать и получать» для нас нераздельные понятия. Наша честь нам дороже всех материальных вознаграждений, которые, кстати, достаточно велики.

Не корысть, не показанная героизм, а внутренняя потребность «делать правильно и хорошо», стремление стать к лучшей жизни ради всех, а значит, ради самых себя — вот черты, которые мы хотим воспитывать в себе.

Замечательные у меня друзья! В этом году они пришли на мой большой праздник: жена родила мне сразу двух сыновей! Боря Бубнов, бывший мой ученик, а теперь слесарь пятого разряда, принес гитару. Обычно мы ходим «болеть» за него, когда он выступает в художественной самодеятельности или играет в футбол за заводскую сборную. В этот раз он выступил только для нас. Он сочинил для младенцев «Персональную колыбельную». По-моему, понравилась им больше всего Катя. У нее даже затуманились глаза, и она несколько раз заставила повторить песню.

Пользовалась успехом и еще одна «персональная» вещь — двухместная коляска с подкладками. Сверху ребята украли выточенные на стакане символические фигуры двух близнецсов.

— Пусть с детства люблются токарной работой, — сказал Борис Казин. — Подрастут

сами токарями станут! — Он любил похвастаться тонкостью своих наделений. Сложнейшие профили самых ответственных деталей обычно доверяют вытачивать ему.

— Успокойся, — сказал Боря Бубнов. — Пока он вырастет, профессия токара не будет и в помине. При коммунизме все будут делать машины.

— Чепуха! Ни одна машина не может заменить искусные человеческие руки!

— Ты не проходил машиноведения. В техникуме нам рассказывают о заводах-автомобилизмах будущего, где человек останется только давать задание машинам...

— Прав! Бубнов! Машина может заменить руки, но голову — нет. Катя, а ты как думаешь?

Катя сидит рядом с моей женой. Сегодня она почему-то не спешит выниматься из общие споры. Она просто не сводит глаз с двух малых, лежащих в коляске. И то ли на вопрос, обращенный к ней, то ли в ответ какими-то своим мыслям, Катя задумчиво говорит:

— Как женщина, я поступила бы только так... Она не заканчивает, чему-то радостно улыбается.

Так мы и живем, словно одна большая семья.

Все мы разные, все мы многоного хотим от жизни, и это здорово. Нам интересно жить, каждый день узнавать что-то новое. И главное, знать, что мы стоим в начале большого пути, ведущего в прекрасное Завтра.

Рассказ

ВИЛИС ЛАЦИС

Kогда Ян Алуц — кандидат технических наук и руководитель конструкторского бюро на Большом заводе — отправился в туристическое путешествие вокруг Европы, его привлекала не столько поездка по морю и возможность, своими глазами увидеть множество иностранных городов и портов, сколько желание вспомнить прошлую жизнь, по которой он когда-то бродил, в дни своей молодости. В те времена Алуц избирали немало морей — сначала подзноском угас на старых торговых судах, позже кочегаром; и как ни была тяжела и сурова его тогдающая жизнь, воспоминания о ней до сих пор были ярки и нервными, им была присуща труднообъяснимая привлекательность, как у всего, что связано с переживаниями юности.

Теперь он мог многое вспоминать, взглянув на все сквозь призму накопленного опыта, по-новому увидеть и оценить. Ведь глаза действительного юноши и воспринимают вещи и явления, не видят мужчин, чьи волосы начали седеть.

Необычно было само путешествие по морю на великолепном пароходством судне; непрекрасна в жизни Ян Алуц пускался в дальний путь свободным человеком — пассажиром. Ни от кого не приходилось заботиться, ни за что отвечать, с утра до вечера он принадлежал себе и мог расположить временем по собственному усмотрению: спать, расслаждаться, по пляжу, сидеть в шезлонге и часами наблюдать за морскими птицами или смотреть на залевоносные лягушки музей и водоросли, качающиеся в волнах. Навсегда плыли чужие суда, большие и малые, еще больше было их на родине, в колесо и по ту сторону, за устрем Эльбы, где начинались дальние морские пути на север и на запад, на юг и на восток, и занести он глазами прохожих в юности этих океанских красавцев, стоят в угольной копоти и поту на раковой плаунье утюпщика! Какие мечты они порождали в его воображении, какие картины рисовали перед его глазами: дальние страны, огромные города, острова пальм, высокие горы и манящая, полная соцветия жизни там, за океаном! Как хотелось ему попасть туда, куда стремились толпы молодых искателей счастья... Чистое, глянцевое судно было его миром — с пышными угольными бункерами, пылающими топками и узким, тесным кубриком в носовой части парохода, настолько мизерным, что восьмер человек едва помещались в нем.

Стены кубрика не были обшиты досками, и зимой на голых железных пантах рядом с койками кочетаров блестела изморозь. По сей день напоминал о себе Алуц ревматизм, схваченный во время его первых морских путешествий. Теперь в распоряжении Алуца была своя каюта со всеми удобствами. Свежим, другим жизнью жили и те молодые ребята, которые работали на этом судне. Дальние страны и плавниковые островами, ни преградами, ни залыпьми горами, ни обещаниями счастья: свое счастье Ян нашел на родной стороне, непрекращающее и непоколебимое, выкованное в борьбе и труде, его он не променял бы ни на какие миражи чужих земель.

Штандарт прошал вечером; прилив поднял уровень воды и открыл мореплавателям путь в гавань Антверпена. Судно медленно двигалось вверх против течения, мимо низких берегов, встречных судов, неизисанных маяков и бакенов, скрывающих залевоносные огни. Вдали, с самого дна для борту стучащейся волны издавалась зарево огромного порта, который вспыхивал, светился алыми аллюминиевыми пароходами, и словно приветствуя пассажиров, звал сирены, трезум, джаз и женский голос из громкоговорителя выражал свою тоску по мужчине, которого звали Джонни. В этой почтной картине Алуц рассмотрел лишь отдельные знакомые детали: людную эстакаду на берегу, высокую башню с освещенным циферблатором часов и рекламный плакат у дверей какой-то пивной, призывающий утолять жажду пивом «Стела Артура».

Невзирая на поздний час, толпа людей на эстакаде долго не расходилась. Довольно неспешный гул и скрип звукался словно на разных концах света. Алуц подозревал, что в толпе кто-то спросил по-латышски: «А латышей среди нас нет?» Перепутавшись через перила борта, он крикнул: «Есть, есть!» Но никто ему не ответил. Вскоре он ушел спать, а споружи еще долго звучали громкие голоса, не давая уснуть.

С утра туристы разделились на многочисленные группы, сели в автобусы и начали знакомство с Бельгией, которую большинство из них видело впервые. Части поехали в Брюссель, иные — в Гент и Брюгге, остальные отправились осматривать достопримечательности Антверпена: улицы, соборы, музеи, картины大师, которых было здесь бес числа, этого месяца было много, и все они смотрелись со всем. Алуц присоединился к последней группе и видел в нескольких земляках весь день проводил на берегу, кормясь случайной подменной рабой и доброхотными подлоджами. Из-под кепки выбывали космы седых волос, вялые щеки побурели на солнце, а глаза старика, голубые и ясные, с тоской смотрели на белоснежные судно.

Заметив, что Алуц следит за ним, старый моряк забеспокоился, поднялся со ствай и сорвал с потолка искусства — бессмертные полотна и статуи, цену которых в целом было измерить в деньги. Трехдюймовка лет тому назад Алуц, не помня этого, это не видел; другие великолепия тогда внимание молодого моряка. Но и теперь он не мог остановиться равнодушным к тому, что когда-то плескало его и калось прекраснейшим в мире. Во второй половине дня Алуц отказался от товарищей и долго бродил вдоль доков, в которых стояли суда почти всех стран мира, блуждал по уличкам портовой окраины и с удивлением замечал, что здесь почти ничего не изменилось. Так же, как раньше, в очках тяжелых лацканов были выставлена банка красок, трюм и трап, у иной пивной или кафешантанной склонялась даже старое название, и погнутые арки в постройках, которых Алуц встречал на улицах — докеры и моряки. Алуц вспомнил, что синие блузы, как и раньше. И вотка казалась, стоит зайти в фруктовую лавку или к тортовому подержанной ободежи, как старый знакомый из-за привязки обратится к тебе с приветствием:

— Хэллоу, старина, опять в наших краях? Что же тебе предложить: рубаху из чертвой кожи или дождевик?

Но Алуц не зевнувши ни в одну из этих лавок.

Так же, как и раньше, с красными потными лицами слонялись по улицам захмелевшие матросы и кочегары; ярко раскрашенные женщины хриплыми голосами и утлыми задницами привлекали на чужой макушку, и совсем как раньше, по-чтому же, как туристы пасынчики, потрясенные бродягами, надевались на пиджаки и погони от обода. Жизнь здесь словно остановилась на месте. Может быть, и появилось что-нибудь новое, но так мало, что оно не бросалось в глаза среди многочисленных остатков былого.

Долгие блуждания утомили Алуца, и он вернулся в порт. В доке, где стояло советское судно, он увидел пожилого человека, сидевшего на связях и не спускавшего глаз с красавицей лайвера. Якоря, вытянутые на ранце, понесенная балузом, зеленая бумажница с рубахой, пестрый шевильный пакет, были собраны на затылок и скреплены, чтобы их владелец, один из тех старых моряков, которых оставил остаток своих дней проводить на берегу, кормясь случайной подменной рабой и доброхотными подлоджами. Из-под кепки выбывали космы седых волос, вялые щеки побурели на солнце, а глаза старика, голубые и ясные, с тоской смотрели на белоснежные судно.

Заметив, что Алуц следит за ним, старый моряк забеспокоился, поднялся со ствай и со

брался было уходить, но когда Алуп вынула из кармана коробку сигарет, просительная улыбка появилась на лице старика, и он лукаво подмигнул.

Алуп подошла к нему, дружелюбно улыбнулась и спросила: «Почему?»

— Как дела, старик? Закурю?

— О'кей, господин, не будешь бы пустил языком,— отозвался старик, дрожащими пальцами вынула из пачки сигарету, чиркнув зажигалкой и усаживаясь подле Алупу огонек.— Вы с того лайнеров? — спросила он, кивнув в сторону советского судна. Говорила он по-английски свободно, но с сильным акцентом и употребляя жаргонные выражения.

— Да, с того... — ответил Алуп.— Приехал вот посмотреть, как же здесь живете.

— Живем, как нам уместно, — проворчал старый моряк. Он жадно затягивался сигаретой и не смотрел на своего собеседника.— Уже не то, что было раньше, когда была сила в плавках. И времена другие: иные люди, иной по-рядок.

— И давно вы не ходите в море? — спро-шила Алуп.

— Вот уже скоро шесть лет, как я покидал последний расчет, принес в моим морским странствиям. Э, да что там! — Старик вздохнул и покачал головой, словно оттесняв назойливую мысль.— Пожалуйста, этого пора бросить якорь. Плохо только, что человек не может погреться ворвемся, и еще хуже, когда он, назавтра же, вынужден хочет жить.

Во рту у старика осталось мало зубов, говорил он шепелявно, и многие слова приходилось угадывать. Видя, что Алуп не уходит, моряк подвинулся и кивком головы показал на конец связи.

— Садитесь, места обиом хватят.

Алуп присел рядом с незнакомцем. Как многих старых людей, которые живут больше воспоминаниями, чем нынешним днем, старого морского волка не приходилось тянуть за язык. За плечами Алуп узел почти всю историю его жизни. Ничего особенного в ней не было; такие же, склонные даже в мелочах истории можно было слышать сотни и тысячи старых людей, когда-то бороздивших моря в качестве проводников остается днем своих в безнадежных блужданиях по прибрежным гаваням. Если бы какой-нибудь предпринимчивый исследователь или литератор собрал вместе все эти рассказы, он убедился бы, что вариантов не много и почти у всех одинаковое начало и конец: после этого ему не составило бы труда написать современный эпос о Старом море; — нечто вроде истории Тиаг Уленингеля.

— Из дома ушел я рано, подростком, — рассказывал старик.— Манил чужие дали, хотели посмотреть мир и, может быть, где-то найти счастье, которого так и не мог я до-ждаться дома. И, конечно, ничего не вышло. Пришлось работать в поте лица, чтобы зарабатывать себе кусок хлеба. Но я это не жаловался, сил у меня тогда хватало. Ходил я в море, мэтросом, и коченевшим несколько лет аж до костей морем, вынужденным подниматься из океана не покоялся. На каких только судах не плавал — из маленьких и больших, на грузовых кораблях и галерах лайнеров, на угольщиках и танкерях! Один рейс в Австралию прошелся, даже на паруснике; в последние годы в море их не видно, разве что учебные. За сорок пять лет общал я весь мир, был во всех частях света, плавался на всем континенте. Бессено плаваловал во множестве портов, полицейские и жандармы всех стран и по ту и по эту сторону экватора учили меня, и, надо сказать, тумаки эти на юге стояли же болезненнее, как и на севере; а если ты без работы тебе нечего жрать, то голод не тетка в любом уголке земли. Бывали времена, когда кошелек был полон денег, и я мог выставлять для бедняг-бичекеров неплохой обед с кружкой пива, но передко наставляли плохие времена, когда самому было впору класть зубы на полку; оставалось шататься по берегу и прислушиваться, как ворчит пустой желудок. Синева в эти времена, конечно, не оставляла ни минуту, пожину, было, пару месяцев, у своих... но жили они несласко, впроголодь, и никаких вилов на лучше времена. Что же, я опять уезжаю. Синачала я и дело посыпал письма, получувши весточки из дома, но разве там писем от меня ждали? Денег — вот чего, а их-то у меня никогда не было так много, чтобы еще

посыпать родственникам. Понемножку порвались все связи с домом, никто больше не писал мне, и я не писал никому. Тогда я думал так: нет смысла рассказывать о каждом своем ша-баше, смысла любезностями и расстечь обещания, лучше помолчать, на время совсем исчезнуть, и чито-нибудь добиться в жизни: найти свою счастье, накопить побольше денег и по-казаться в родном городе с полным кошелька, бросаясь подобно наизправе и налево. Большой американский адмирал приехал! Он нашел в мире то, что искал, недаром он по-жертвовал цветущими годами. Так я и должна сделать, да ведь это мечта всех тех, кто ищет счастья в чужом kraю. Чаша всего из этого ничего не выходит. Разве что из тысячи одному удаётся чего-то достичь, и тогда, точно солнечное сияние, его окружает благоговение и обожание родственников. Остальным же приходится глотнувшись всю свою жизнь и ходить по земле, опустив нос. Я была одним из тех остальных, я ничего не добилась. Когда наступила знаменитый кризис тридцатых годов, мне стало ясно, что надеяться больше не на что. Я поняла, что останусь одна из двух: или ехать домой и, не споря с судьбой, покорно принять подачки жизни, или же зачеркнуть прошлое, навсегда застриг на чужбине, чтобы больше не-мало-помало забыли тебя. Я выбрал подобное, это было лучше, я не хотела, чтобы кто-нибудь видел, как я выгляжу. Альбом не надо будет смотреть в глаза альбомы, чьи фотографии я обманывала. Давайте, пожалуй, ничего рассказать. Больные двадцати лет мотались я по свету, пока зуны не вышли и боль в kostях не согнула спину так, что выпрямить ее уже больше нельзя. Кому нужна такая старая рухлядь? Помывать в толку утоль ты уже не можешь, дробить шаша тебе больнее не по смаку, забытый старый матросский мешок и айда... Вот так сказали мне шесть лет тому назад, и говорят до сих пор многим таким же, как я. Таково уж судьба старого человека, и об этом не стоит скучать. Разве я не прав, господин?

Старый моряк посмотрел Алупу в глаза и мрачно усмехнулся. Алуп еще раз угостила его сигаретой и сказала:

— Не называйте меня господином. Я живу в стране, где нет господ, и такое обращение у нас считается оскорбительным.

— Я запомни это..., господин. Вы уж простите меня, что я так. Всю жизнь я привык кланяться, избавиться от этой привычки не легко.

— А как вы жили после того, как ушли с последнего судна? — спросила Алуп.

— Шатался по берегу, как все бичекеры. Ходил с судна на судно, иногда удавалось оказаться какую-нибудь услугу: погладить молодым парням брюки, вычистить ботинки, сбрасывать на берег за попрошаски и вином, вымыть посуду. Гладильщики — то тарелка супу перенесет, то понесенная рубаха.

— И все это время вы перебивались в Альтенрингене?

— Только последние три года. До этого окончавшись в голландских и французских портах. Нигде не лучше. Здесь чаще можно встретить знакомого, а это кое-что значит.

— А дальше что?

— Я старалась, как можно меньше думать об этом. Ничего приятного нет в этих мыслях. Ну скажите сами, господин... тыфу, пропасть, опять вырывалось... скажите сами: какие воз-душные замки остаются строить человеку, у которого только и есть, что головы, слабеющие руки? Он слишком стар, чтобы идти в море. На берегу он тоже никому не нужен. Его уда — инцидента, праздности, мелкие унижения и безнадежность. Принимаешь, как должное. Как я могу сказать, что будет дальше? Может быть, богадельня, а может, тюрьма. В один прекрасный день увезут меня на международное морское кладбище и зароят рядом с такими же бедоголями. Только не подумайте, что за могила моей жены кто-нибудь будет ухаживать и что вообще надолго сохранят. Через неделю ее заборонят, а сперху зароят еще одного горемыку, засыпав на них такой порох... И разве ты разрешаешь им уж прости-ть? Но пройдет совсем, чтобы и сладко умереть. Тем, кому хоронят в морской пучине с куском железа, привязанным к ногам, тоже не ставят памятных досок и крестов. Зачем же делают исключение для меня?

Пока старый моряк говорил, Алуп то и дело внимательно поглядывала на него. Ему казалось, что этого человека он где-то уже видел. Удивительно, сколько казался он профилем с высоким лбом и темными волосами, плачущая фигура и румяное колесо в правой руке. Выражение лица, движения рук, голос — все казалось знакомым, виденным и смыслившимся; может быть, недоставало лишь исходного пункта, мелочи,

Рисунки В. Освера.

намека на какое-нибудь событие или обстоятельство, чтобы все стало ясно.

— Откуда вы? — спросил Алуц, когда моряк замолчал.

На лице старика мелькнула усмешка, немвого ироническая и печальная.

— Оттуда же, откуда и вы! — ответил он по-латышски. — Из Латвии. Я рижанин, родился и вырос в Задвире.

— Как вы узнали, что я латыши? — изумленно воскликнул Алуц.

— Сегодня утром, когда пассажиры вашего судна отправлялись на экскурсию в Брюссель и Гент, я был здесь. Саша, как вы с двумя мужчинами говорили по-латышски. Поэтому и заговорил с вами: хочется раз в кои-то веки поболтать с земляком, не часто выпадает такая удача.

— Как же вас зовут, если не секрет?

— Что за секрет... — усмехнулся старик. — Я никаких прелестей не совершил, и от суда бегать мне не приходится. Мое имя Медис. Альфред Медис из Задвире, архадский мальчишка¹.

Архадьес Медис? — Алуц привескоша и минуту всматривалась испытующе в своего собеседника. Исходная точка была найдена, теперь он знал, где и когда видел этого человека и почему он кажется знакомым. — Ариц... четвертый «Алуксне»?

Старик вздрогнул и как-то боевально взгляну на собеседника.

— Когда-то я ходил на таком судне, — сказал он, смешавшись. — Но откуда это вам известно? И кто вам рассказал, что ребята называли меня Арицом?

— Это ты, старина, сейчас узнаешь, — сказал Алуц, хлопая Медиса по плечу. — Но только здесь нам необходимо продолжать разговор. Скоро вернусь наши экскурсанты из Брюсселя и Гента, и мы не сможем спокойно поболтать. Но знаю, как ты, а я проголосовал. Ради такой встречи не мешало бы выпить кружку пива и поговорить поболтать, а? Как ты думаешь, Ариц?

Было бы неплохо, что правда, то правда, — проворчал Медис, недоверчиво косясь на Алуца. — Но я все-таки хотел бы знать, с кем имело дело.

— Пойдем, Ариц, за столом все узнаешь, — торопила его Алуц. — Показывай, куда ити, ты знаешь лучше меня, куда здесь можно за скочить.

— Надеюсь, не в очень роскошное место? Сами видите: одет я не так уж широкарно.

— Место выберешь сам.

— Ну ладно, идти так идти.

Несколько минут спустя они сидели в простом портвейном кабачке. Алуц заказал обед себе и Медису, велел принести по кружке пива и по рюмке коньяка, и, как только стоящий моряк заморил червячка, разговор возобновился.

— Ты помнишь «Алуксне», Ариц, — плавучий гроб грузоподъемностью в пять тысяч тонн, который рижские судовладельцы как старое бархило купили у англичан? Черная ржавая, совсем запущенная коробка... Когда выходили в море, на большой волне все швы начинали так громко скрипеть, что пугливый начинял читать молитву. Всю утлы полны крыс, по ночам они залезали на койки и не давали уснуть. Ты приделал к бочке заключавшуюся крашью и за один день поймал больше сотрука этих змеев-реят.

— Это был первый улов, — заметил Медис, на минуту отрываясь от еды. — За неделю мы бросали в море больше сотни крыс.

— Ты за это получала от капитана премию. Старый Эрхард выдал тебе целую бутылку джина, но ты подарила с товарищами, и тебе досталась всего только хороший глоток.

— Джин-то было не акти какой, — проворчал Медис. — В море, на безбарье, можно было, конечно, пить и так.

— В манчестерском канале «Алуксне» грузил уголь в бункера, — продолжал Алуц. — Помнишь, Ариц, что за проклятием был уголь? Кочегарам каждую смену приходилось пропичать все шесть топок, трюмерам — выбрасывать на палубу и слышать в море горячую. Аджская работенкой! Ребята с олим за другим, но ты была лучше. Кочегаром на «Алуксне» и одела могла удобрить полный пар. Рейн из Кауфхайма. Бордо ты тоже, наверно, не забыла. Две недели в Бискайе, забисбеншее море, шторм играл судном, как кошка мышью. В Риге нас уже считали погибшими. Самые сильные не выдерживали чрезмерного напряжения, проклянлив капитана и первого механика, начинали все делать кое-как. Только ты держалась, как зверь, и спаривалась со своими обязанностями. За это капитан снова послал тебе бутылку джина.

— А я отослали ему ее обратно и сказали, чтоб он сам с подависился.

— Помни, Ариц. И на этом судне были одни подиоски угля, девятнадцатилетний мальчишка. Для него это был первый морской рейс. В Бискайе, в этом кипящем аду, он обессилел

¹ Аркадия — парк в Задвире. (Прим. перев.)

и совсем бы свалился с ног, не найдись человек с большим, человечным сердцем. Видя, как мучится троером, он присел ему на помощь. Он сам поддерживал огнь в топках, сам лез в бункера, нагребал себе уголь, а потом брался за ручную лебедку и помогал малярчики выгружать шлак на палубу. И только поэтому малярчика выдержал, на удивление своим товарищам, которые не знали, что ты ему помогал. Этот троер был я — Ян Аул, или Янка, как меня звали на «Алуксне».

— Вы? — Меднис перестала работать вилкой и ножом я, словно на верстаке, глядя на Аулупа. — Неужели Коке и вас сюда не узвали?

И я тебя узнал только после того, как ты называл свое имя. Об одном тебе прошу: брось выкликать зови меня по старому Янкой и говори мне это.

— Не так-то просто, — сказал Меднис. — Как я могу говорить «ты» такому важному господину?

Мы были друзьями в трудные дни, и это дает нам общий право. Итак, договорились.

Можно попробовать, только вот не знаю, получится ли...

Аулуп чокнулся с Меднисом, они отпили по большому стакану.

— Ты была тогда видным, сильным и смелым, — продолжал Аулуп, — кроме того, добродушным. Каждый мог подойти к тебе, чтобы спросить о чем-нибудь, не боясь, что ты оттолкнешь его грубой насмешкой, как это было принято у бывальных мореходов. Ко мне, самому молодому на судне, ты относишься лучше, чем к другим. Кто-то из старых моряков хотел разобрать меня, наставлять надо мной, но ты взяла меня под свою защиту. Однажды кочегары, предвзявшись забаву, позвали меня с собой в яхобак, чтобы потом повести к девкам. Ты не позволила мне пойти с ними. Нужно было видеть, как ты переменялась: от благодушного... Арина не осталась и села, вместо нее на кубрике стала вся вост грозный морской человек: ее глаза горели молниями и голова звучала, как барабан. И все смеялись, не решаясь возражать. Потом, когда все соплы на берег, ты взяла меня с собой, води к жижному городу, утопила авантюристки и завела в бараки. До сих пор не понимаю, что заставило тебя так поступить.

— Ты была сыщиком чист и неискоренен, — сказала Меднис. — Я хотела, чтобы тебя так рано запаникали... Это все...

Помнишь, как позднее ты стала учить меня кочегаричному искусству, показывала, как бросать уголь в топку, как раскладывать шлак? Ты была хорошим и терпеливым учителем.

— А ты была хорошим учеником, — заметила Меднис.

— Через два месяца, когда один из кочегаров «Алуксне» в Альтвернене под драпаком, меня поставили на него место, и я почти полгода работала в одной смене с тобой. Этого ты, конечно, не забыла. Если из меня и вышел настоящий кочегар, то этим я обязан только тебе... Гарсон! — Аулуп помахала официантке. — Еще две кружки пива. Съешь чего-нибудь еще, Арина!

— Не стоит, — отрицательно покачала головой Меднис, — хорошенечкою понемножку, человек скотина.

— Тогда пускай тебе запернут в бумагу что-нибудь из закусок, — не унималась Аулуп. — Возьмешь с меня на ужин.

И он опять улыбнулся в свои воспоминания.

— Одно качество тебя отмечало, за него я сразу тебе побоялась: ты никогда не давал в обиду слабого. Когда Длинный Бук хотел убить маленького мальчика, который нечасто был физически, что тот целую неделю не мог покояться на берегу. А в Геную, когда там состоялась рабочие... капитан пытался приводить нас самим грузить судно и стать штрефбрехами, сунуть прибаку к жалованью и всякие блаты. Кое-кто уже стал склоняться на посысы, был готов стать к лебедке и лесть в трюм, но ты сказала: «Нет, мы не станем этого делать, это было бы преступлением по отношению к итальянским рабочим!» И часть экипажа «Алуксне» не была защищена. Судно подняло якоря и двинулось за грузом в другой порт, где не было забастовки.

— За это я в Риге в первый же день получила расчет и оказалась на берегу, — задумчиво

произнес Меднис. — И фирмы меня больше не принимали на работу. Ты ведь знаешь, дорогое Янка, — такие вещи не забываются. Так ведь. Но хватит об этом. Скажи лучше, как ты жил все это время и что из тебя вышел?

— Жил я по-разному, Арина, — ответила Аулуп. — И мой путь был не из легких, зато могу тебе в утешение сказать, что все усилия не пропали даром и кое-что я достиг. После того, как я ушла с «Алуксне», работала в порту, а зимой училась в мореходце на механическом отделении. Окончила мореходец, попавшая два в мореходце на торговых судах, потом поступила в мореинский факультет университета, бороздила гладь, туда удались мне его закончить. После этого я стала помощником инженера в кармане мне пришлось стать к верстаку на заводе и делать такие вещи, для которых мои знания не были нужны. Лишилась в 1940 году, когда в Латвии установилась Советская власть, я стала инженером на большом заводе. Вскоре после этого меня привлекли в аспирантуру.

— Аспирантура? — Меднис вопросительно посмотрела на Аулупа. — Что это такое — фабрика или фирма?

— Нет, Арина, аспирантура — это подготовка к научной работе, — покраснела Аулуп.

— Разре тебе недостаточно было университета? Опять началь учится? — удивился Меднис.

— Чтобы стать ученым, университета еще недостаточно. Но из аспирантуры тогда ничего не вышло: началась война, пришлось взять в руки винтовку. Была создана латышская стрелковая дивизия. Как колоннада она гитлеровцев под Москвой, под Старой Русской и даже в Латвии! Для раза я бы ранен, но не тяжело, и каждый раз после выдоровления возвращалась в строй. Аспирантуру я окончила после войны, и когда в Латвии образовалась Академия наук, меня принял научным сотрудником. Для года тому назад я защитила канцелярскую диссертацию — есть такое испытание, которое проводят на кафедре. Аспирантура и мне присвоили звание, но я не захотела свою жизнь проводить в лаборатории и попросила, чтобы меня перевели на какой-нибудь завод. Теперь я руководитель большого конструкторского бюро и занималась конструированием машин. Конечно, женилась, у меня хорошая жена. Она работает врачом в городской больнице. У нас двое детей, оба учатся в школе. Вот и все, Арина.

Когда Аулуп посмотрела на Меднис, в глазах старика он увидел слезы. Помолчав, Меднис вдохнула, большим пальцем стянула со щек слезы, капнула и тихо сказала:

— Ты далеко пошел, Янка. Тебе нечего стыдиться. А я...

Подавленный стон вырвался из его груди. Опустив голову на руки, он долго молчал, погрузясь в тяжелые думы. Что это были за гряды — огромные, заскорузлые, с уловатыми пальцами, вдувшимися венами; посмотрев на них, бледнолицый человек словно в открытое книгу смог бы прочесть историю труженика: каждая мозаика, каждый шрам говорил о том, что приносил пережить и перенести...

— Зря проща жизни... — наконец произнес Меднис.

— Заглушила, броншила на ветер. Если

и что было в этих руках, то давно уткнуло,

как вода между пальмами. Остались одни воспоминания, а лучше бы их и не было совсем. Эх...

— У тебя когда-то была жена, — вставил Аулуп. — Я видел ее на судне, когда мы готовились уходить в море. Она хотела проститься с тобой. Красивая, видная женщина...

— Да, была, — произнесла Меднис. — Красивая, видная. Тогда она простила со мной на всегда. Не дождалась ушла к другому. Ей хотелось счастья, а я была только искатель счастья. Бог знает, жива ли она и как живет сейчас.

— Арина, дорогой дружине, я хочу у тебя спросить, — сказала Аулуп, придвигнувшись ближе к Меднису. — Хочешь — отвечай, хочешь — промолчи, если мой вопрос тебе придется не по вкусу, только помни, что с тобою говорит Аулуп.

— Справишься.

— Почему ты не едешь домой? Что держит

тебя на чужбине, где ты никому не нужен, и что тебе мешает остаток дней провести в родной земле?

Меднис долго не отвечала. То ли нахлынуло воспоминание, то ли вылитое шиво сделало спирку чувствительным, он прерывисто задыхался, словно сдерживая рыдания, и в глазах снова появлялась предательская слеза.

— Стыд, Янка... Стыд мешает мне испытать дорогу домой. Стыд за испорченную жизнь, за то, что я ничего не достиг, никакие ценностей не создала за свою век. Когда я удали из этого мира, после меня не останется ничего такого, что было бы связано с моим именем. Я оставил после себя одну плоскую, бесцветную, никому не нужную память о себе. Бессмыслица и покой счастья впереди не наше. Неудачников не жалеют, им не прощают. «Погибли, с тем что вернулись домой», — просит меня старые друзья и знакомые. Как я посмотрю им в глаза? Как собака с поджатым хвостом, буду я стоять перед ними, и мне нечего будет сказать. Они будут смеяться надо мной: ведь моя рука уже не так сильна, чтобы恩ушить к себе уважение. Этостыд, Янко, глупый, неумныйстыд. Ничего мне не остается, как только прозбраться здесь по-прежнему и скончать на чужбине. По крайней мере, здесь мне не перед кем отчитываться за свою жизнь.

— Ты преувеличиваешь, Арина. Чего тебе стыдиться? Ты не виновата, что жизнь твоя смешалась та к. Виноваты те, кто похитил твою силу, виноват несправедливый строй, который взял у тебя все и взамен не дал ничего. Не тебе, а им следовало бы стыдиться. Выброси эти мысли из головы и позейди домой. Если хочешь, я занесу же поездом. Брюссель и говорю с советским консулом. Тебя заберет первым же судном, идиущим рейсом на Ригу.

— А я дома, что я буду делать? Да умрешь, на меня вообще тащить не буду. Аулупа.

— На родине ты свою спорта обретешь. Мы поможем тебе найти свое место в жизни. У нас теперь все иначе, чем раньше. Никто для нас не лишний. Народ, сам ходящий в своей стране. Тот, кто работает, — самый уважаемый человек в нашей стране. Если бы ты знала, что за жизнь мы там построили!

— Я знаю. Но я не помогу, завоевывать и строить эту новую жизнь. Пока я борюсь с несправедливостью, гнали к церкви живодёров и кровопийц, я шаталась по свету и думала только о себе. Мне стыдно. Нет, нет, не говори больше об этом. Я не могу вернуться. Я должна до конца прозбраться на чужбине и отдать чужой земле свою kostь.

— Неужели тебе не хочется лежать в родной земле?

— Я не имею права лежать в ней и не заслуживаю этого. Если бы заложил прожить жизнь, тогда я бы знала, как это лучше сделать. Терпеть не можешь, времена упнуло...

Аулуп продолжала еще у说服ать и убеждать, пока Янка не стало ясно: этот человек не перенесет своего решения. Может быть, не только стыд, держал Меднис за руки на чужбине — дескальсированной, опустившейся на самое дно жизненной пропасти, он в глыбах своего сознания еще сохранил искру человеческого самодовольства и гордости. Гордость породила стыд, и его можно было погасить лишь вместе с жизнью.

...На прощание Аулуп дала Меднису немного денег и оставила на память свой плащ. У ворот дока они пожали друг другу руки. Аулуп возвратилась на судно; Меднис издала просьбу, как тот поднялся по трапу на палубу; потом старый моряк медленно направился через порт в другой док, к другому судну, в надежде найти то, что было не за горами.

Когда советское судно покидало антверпенскую гавань, множество людей провожало его, и на носу Аулуп глазами искала в толпе Медниса. Может быть, тот спрятался за спинами других и издала просьбу, оставленные Аулупом, а может быть, тот же великий, необритый стыд, мешал ему появиться здесь и в последний раз посетить прощальный привет своему другу.

Перевод с латышского Р. ТРОФИМОВ.

ДОВІСНИКИ ДО СУБАНІКІ

Фотоочерк
К. Вишневецького
и М. Муразова.

СУББОТА, КИНОЗВЕЗДЫ
И МАЙОР МИЛИЦИИ

В Таллин мы прилетели в субботу. Годы совсем не выглядят «ло-субботными»: улицы были чисты и малолюдны. Слышалась лирическая песенка — спросил мы у шоферов такси. — Куда девались все таллини? Шофер удивленно посмотрел на нас.

— Куда? На гонки все, к Пирита.

Пирита! Здесь очень красиво. Широкие плавные типы рек и спокойное открытое море. Но этот живописный пригород Таллина превратил свою зелень одну из труднодоступных мини-гоготтских трасс — симметрическую кольцо-Клоотерту.

Мотогонки, покалуй, самый популярный вид спорта в Эстонии. Широкий маневр, веселое удовольствие, когда услышишь из приженной раки насыщущий мотоциклов звук. И это не единичное соревнование собирает толпы зрителей. Не говоря уж о таком мероприятии, как спортивный этап первенства СССР, который прошел в эту субботу. На трассе Пирита — Клоотерту выступили спортсмены из многих стран, причем многие из них стартовали на специальных гончих мотоциклах отечественного производства...

«Приготовьтесь... Внимание. Старт!»

Ровно моторов. Нетерпеливые машины срыгаются с места. «Хорошо идет Кийаз, общество «Лайт»!»

Издалека поворот вылетает мотоциклист молодого таллини. Эритея поддергивает его. «Бронзовую» медаль завоевал Эндиль Кийаз.

«Астрама» эстончанин Ээрик финн «бисса». Он стоит счастливый, окруженный своими товарищами по клубу, болельщиками и журналистами.

Я не знаю, что рассказать о себе. Родился в деревне. Там у нас было 10 мотоциклов. Начал ездить с лета 1960 года. Уже в 1962 году я мастер спорта. Работал шофером, потом служил в армии. Сейчас работаю в магазине... вот, видите, мотоциклиста Броскина.

Где-то за поворотом нарастает гул моторов. Завывает первый мотоцикл. «Эндиль! Эндиль!» спешит к трассе как там «свои»! Мы хотим отправиться за ними, но вспоминаем о спешной раздатке команды:

«Внимание! Мотор! Ну, конечно, это кино! Нет, не хроники, снимается художественный фильм. Режиссер Юлий Кун рассказал автору...»

— Мы создаем первый советский панорамный художественный фильм. Может быть, он будет даже первым в мире... Американцы сейчас снимают в Африке панорамные фильмы. Тогда же мы и думали, мы запоюмим раньше...

— А о чём будет ваш новый фильм?

— Во-первых, он не совсем новый. Фильм создается по мотивам народной спортивной комедии «Зорные покорители».

— А это тоже будет комедия или вы передадите ее в трагедию?

— Нет, это будет комедия с элементами трагедии. Я буду смеяться, — улыбается Кун.

— Кто снимается в фильме?

— Кстати, в нашей картине участвуют многие актеры непрофессионального театра. Главная роль исполнитель Терье Луйк, которая то есть то что она была школу. Герой играет электрик по имени Кийаз. Вам видите маленькую деревню в Эстонии? Вы можете сказать, где это?

— Да, это город Кийаз. Кийаз — майор милиции. Читатели могут спросить: почему я написал героя милиции? Объясню: из благодарности к милиции. Просто не могли бы мы без милиции. Это он помог нам попасть в самую гущу событий того субботнего дня, послал нас на трассу, на трассу, на трассу... «Победу». Спасибо вам, товарищ майор, спасибо, товарищ Коловинский!

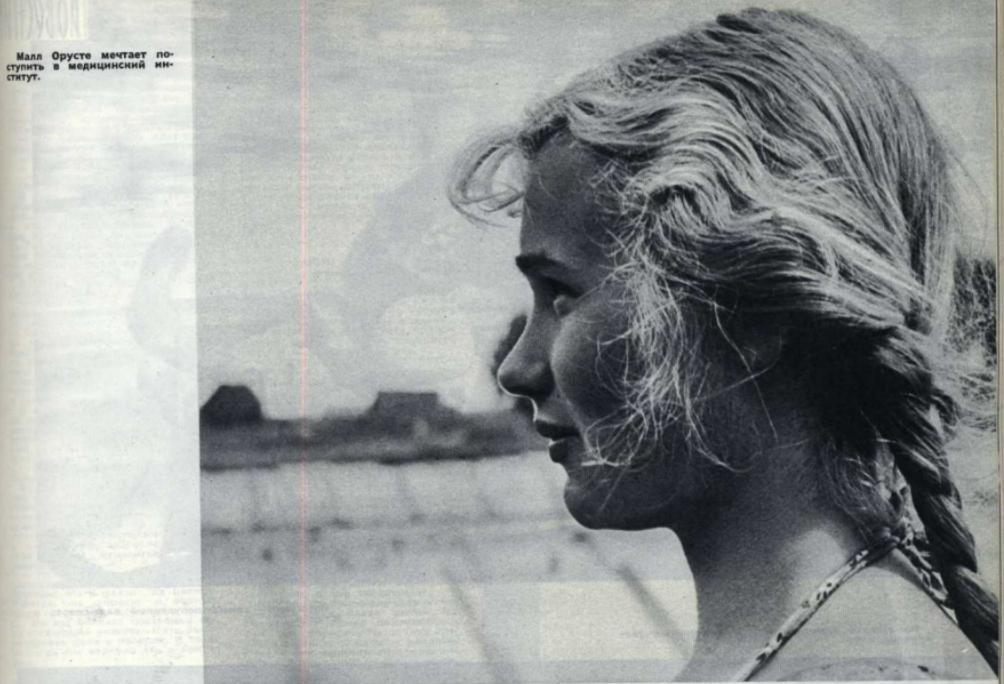
С добрым уловом. Лайтар Юло

РОВОСНИКИ

Малл Орусте мечтает поступить в медицинский институт.

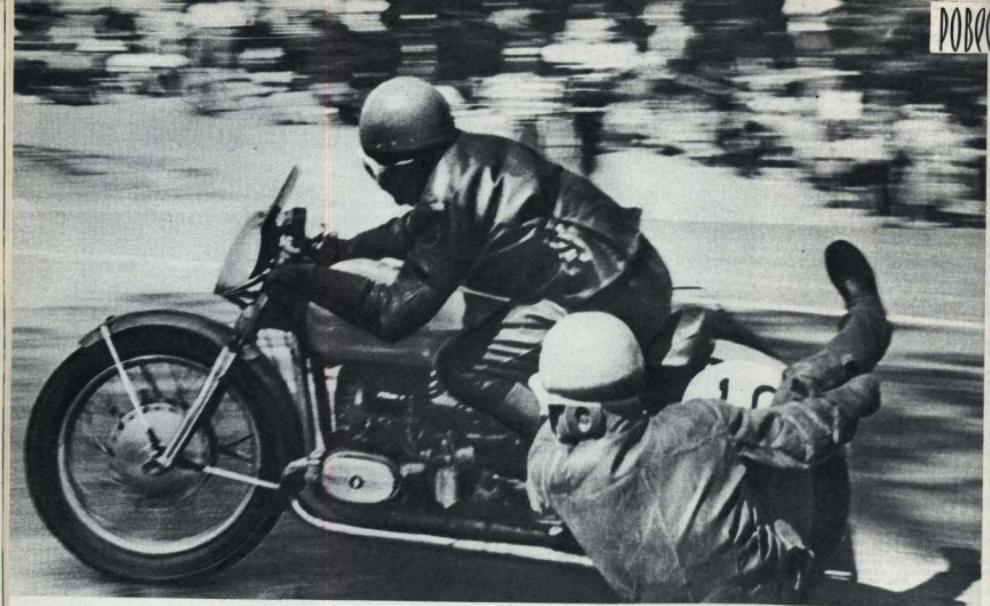

— Я не понимаю тех, кто уезжает из колхоза. Лицо мне здесь нравится! — говорит Аарни.

Они часто возвращаются вместе после работы — Антс Линнлом, секретарь комитета ВЛКСМ завода Ханс Тенсон и однобригадник Антса слесарь Хейли йыгэ.

Мотогонки — самый популярный вид спорта в Эстонии.

По вечерам зажигаются огни знаменитых таллинских кафе...

ЧАСЫ ДОСУГА

Человека

Сергей ДАВЫДОВ, Сергей ЛЬВОВ

Рисунки К. Борисова.

Кажется, совсем недавно участники и гости XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза бурно рукооплелись словами Н. С. Хрущева: «В СССР будет самый короткий в мире рабочий день и самая короткая неделя...» И вот это уже осуществляется: многие заводы и фабрики страны перешли на сокращенный рабочий день. Недалеко время, когда так произойдет всегда, где трудятся советские люди.

Для молодости, которая хочет все узнать, все испытать, для поколения молодости, которая накапливает базу для дальнейшней жизни, дополнительные часы не заняты трудом», — особенно большой дар.

Короткий рабочий день и короткая рабочая неделя не только открывают новые возможносты перед молодым человеком, они предъявляют и новые требования. Требования к кому же? Прежде всего к всему культурному фронту. Клубы, театры, библиотеки, музеи, парки, читальни, кино должны работать так, чтобы дополнительное свободное время не утекло между пальцами, а принесло пользу всем и каждому.

Но нужно не только создать новые возможносты для плодотворного использования свободного времени, но и воспитать к нему новое отношение.

Меневинский быт, слепой и беспринципный, породил укачиванную формулу: «убить время». Он изобрел множество способов ее осуществления. О, если можно было бы сломить все насы, которые люди растирачиваются и распространяют за пыльницами и прерферансом, «забыванием козла», в сплетнях, в туловище безделья, в пыльной одурки! Оказалось бы, что в могиле убитого времени похоронены не дни и даже не недели — ценные человеческие жизни!

Однако проблема свободного времени — это не проблема праздного досуга, который нужен как-нибудь или чем-нибудь занят. Для нас она — проблема занятий с великоликими задачами воспитания нового человека — человека коммунистического общества.

В прошлом году в странствиях по Орлу, по его клубам, лекториям, музеям мы увидели немало хорошего. Радовал интерес молодых орловцев к Университету культуры. Уверстся что только создавалась, и желающих заниматься в нем оказалось вдвое больше, чем мог вместить самый большой зал города. Многоброцкая была дружба, начавшаяся между областным драматическим театром и молодыми рабочими, боровшимися за звание ударников коммунистического труда. Хорошо начались лекции по истории изобразительного искусства в картической галерее. Интересными показались нам поиски новых форм клубной жизни — например, в зале «Техники» — сердечно проведенная комсомольская свадьба.

Но были наблюдения, которые не могли не огорчить.

Как-то в субботу мы обошли все клубы города, задавая один и тот же вопрос: «Что у вас будет в клубе сегодня и завтра?»

Ответ был всегда один и тот же: «Кино и танцы. Танцы и кино».

Увы, ничего другого в прошлом году не организовали орловские клубы на два самых боевых дня своей работы.

Бросилось в глаза и другое. Молодежь города плохо знала о том интересном, что происходило в городе в свободные от работы вечера и дни.

Столкнулись мы в прошлом году и с вопиющими фактами.

Много месяцев подряд в разное время ходил один из нас к так называемому клубу строителей № 2. Каждый раз находил на его дверях замок замком. Когда мы несколько раз вряд ли повторяли этот визит, клуб снова вратился нас замком.

...Словом,печатлеванием было много. Они были разными, пестрыми, в чем-то противоречивыми друг с другом.

Как же выглядит проблема досуга молодежи в Орле теперь, летом 1960 года, когда сокращенный рабочий день становится повсеместной реальностью?

Завод тракторных запасных частей... Здесь работает бригада электробригадчиков. Бригадир — комсомолец Валентин Махин. В бригаде 9 человек. Небольшой дружный коллектив. Бригада Махина в Орле одной из первых удалось завоевать высокое звание коллектива коммунистического труда. Недавно она перешла на самоконтроль труда, т.е. в эту новую систему учета и оплаты труда, в эту новую эпоху, в которую вступили мы, кто, где сложился новое, коммунистическое отношение к труду. Все члены бригады учатся у кого в вечерней школе, кто в вузах, кто на курсах по повышению квалификации.

Валентин Махин рассказывает с увлечением о том, как бригада проводит свой досуг, говорит о посещении театра, веселых загородных прогулках, дружбе со студентами педагогического института.

— В воскресенье пойдем в картинную галерею к своим шефам, — говорит он. — Напомни им о себе...

Почему же напомнить? Несколько месяцев назад картинная галерея выразила желание взять шефство над бригадой Махина. Молодых рабочих привлекли в галерею. Пробещали познакомить с произведениями живописи, научить тому, как смотреть картины, провести встречу с местными художниками... Члены бригады загорелись этим предложением. Шефы тоже загорелись. Но горели недолго: после первых встреч забыли о своих новых друзьях.

К сожалению, это не единственный случай. Загород Университет театральной культуры, который год назад так торжественно открыл свои двери перед молодыми рабочими. Уменьшился ся от лекции к лекции число слушателей Университета культуры.

...Но вернемся к нашему разговору с Валентином Махиным. Он рассказывал нам, как бригада «планирует» свой досуг. Но самым инте-

рессным было не перечисление «мероприятий», а вывод, который он сделал из своего риска:

«Сергей Давыдов — слесарь комбината «Стройтальник». Кроме того, он начинающий журналист. Его очерки, фельетоны, зарисовки печатаются в «Орловской правде» и «Орловский комсомолец».

Когда мы познакомились с Сергеем, он сказал, что занимается в школе юнкоров «Орловского комсомольца», а я подумал, что слово «юнкор» как-то не вяжется с его обликом. Его внешность в манере держаться говорят на столике о юнкорском задоре. Еще, сколько я нахожу жизненным опыте. Еще удивительнее сидят встуют от этого его выступления».

Для первого знакомства Сергей Давыдов принес мне несколько газетных вырезок со своими работами. При чтении сразу бросилось в глаза, что, хотя написаны они героями еще отточенными, лучше из них говорят о желании автора дружески вспомянуть судьбу человека, а для этого не просто рассказать о внешних обстоятельствах того или иного случая, но и «разобраться в тонкостях человеческой души». О статье Сергея, в которой сказаны эти слова, стоит поговорить подробнее.

Однажды я написал следующее. Молодежи из юнкоровницы Орловского строительного техникума, получив назначение на рабочую практику, отправлялась первым трудностям. О своих переживаниях она написала товарищу. И, как это часто бывает в молодости, сильно густила краски. Это письмо попало в молодежную газету, и там опубликовали его для обсуждения.

Первым же откликом на письмо Светланы — так зовут эту девушку — сидевшего в зале суда — был ответ газетчика Захотелова: «Светлану, поговори с молодежью, с которым ты сидишь, о переживаниях Светланы недостойными комсомолами».

Статья Сергея Давыдова называлась «Светлане надо помочь» и была написана глубоко предчувствующим... «Разговор этот, — писала девушка в своем письме, — что я не могу уже оставаться просто читателем. Захотелов высказал свое мнение, скажи свое слово. И главным образом потому, что я не согласна с некоторыми товарищами, выступавшими в газете... Мне кажется, они неправильно поняли Свету, душу ее письма».

Движимо разбирающим письмо девушке, Сергей Давыдов пришел к выводу, что из ее реверсиности никак не следует, что она не любит свою профессию, в чём ее увлекали авторы ряда откликов, что ей нужно помочь дружеским советом, что сдавать это должны товарищи, которые, узнав о переживаниях девушки, заняли позицию сторонних наблюдателей.

реческим было не перечисление «мероприятий», а вывод, который он сделал из своего риска.

— Разве мы только про театр, про картины новые узнали, когда вместе стали ходить на спектакли и в галереи? Мы гораздо больше узнали друг про друга. Это раз лучше знаем друг друга, значит, крепче дружим.

...Что же делают культурно-просветительные учреждения Орла сегодня?

И вот год спустя мы идем по тому же маршруту, что и год назад, идем из одного клуба строителей в другой. Клуб строителей № 2, тот самый, на дверях которого год назад красовался яблочный замок. Здесь есть «перемычка Амбарного замка» нет. Двери заперты на обычновенный.

У входа никаких афиш, никаких объявлений.

Девушки — работницы строительного треста, которые живут в общежитии, расположенному в этом же доме, удивленно пожимают плечами, когда мы спрашиваем, почему закрыт клуб.

— А оно во воскресенья и субботам всегда закрыто.

Председатель постройкома строительного треста тоже не удивляется нашему вопросу и невозмутимо уточняет:

— А у нас теперь клуб нет. Это теперь не клуб, а зал заседаний.

Несколько лет кряду не могли наладить творческие из стройтреста № 2 деятельность клуба, подвергались за это критике в печати и на

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: СЛЕСАРЬ И ЖУРНАЛИСТ

Статья эта меня заинтересовала. В ней приведена несомненная внутренняя культура автора. А главное, она была проникнута тем же отношением к человеку, которое подказывало замечательному заповеди — бригаде коммунистического труда на одном из текстильных предприятий Подмосковья: «Если рядом с тобой обидел человека, значит, ты виноват тоже».

Другие статьи Сергея мне понравились меньше, о некоторых мы серьезно поспорили. Но очевидно было одно: у автора несомненные задатки журналиста с его важнейшим качеством — интересом к человеческому судьбам.

Время Сергея Давыдова было занято без особы: работа, школа юнкоров, радиационные здания, самообразование, различные бытовые работы — жил он тогда в общежитии. В ту неделю, когда я приехал в Орел, Сергей работал в ночные смены, но все же выкроил из своего жесткого дневного расписания часы, чтобы походить со мной по городу.

Я почувствовал в нем беспокойную душу, огромное желание успеть, увидеть, узнать, сдаться в руки времени. Слово «испытанный» в одной из его статей: «в жизни многое можно вернуть. Не вернуть только бесцельно прожитого времени, ни одной минуты, ни одной секунды» — для Давыдова не простая декларация, а то настроение, в котором он постоянно живет.

Мы побывали вместе в нескольких рабочих клубах и общежитиях, на комсомольской садебке, в городском зале, в библиотеке... Сергей щедро делится со мной своими наблюдениями, накопленными во время различных рейдов, интересных встреч. Поговорил о культурно-массовой работе среди молодежи. Меня интересовала проблема свободного времени, и мы решили собирать материал вместе.

Сергей рассказал мне о своих планах на будущее, а потом познакомил и со своей невестой. Она инженер.

Расставшись, мы продолжали наши знакомство, переписывались друг с другом.

Когда я снова по делам приехал в Орел, Сергей пригласил меня пойти с ним и его невестой в засл. Заведующая орловским загсом, очень удивилась, когда снова увидела меня. За несколько недель до того я и мой товарищ сюда как журналисты, а теперь мы оказались снова в качестве честных граждан, а другой в качестве его друга и свидетеля.

Однажды, после того, как Сергей с женой побывал в Москве, я получил от него письмо, в котором он сообщал о неизвестных еще мне обстоятельствах своей прежней жизни. Думал, что я не сумею рассказать обо всем этом лучше, чем сделали сам Сергеи:

«...Я несколько лет сидел в тюрьме, и не по ошибке правосудия. По 1953 год я подвизался на поприще, далеком от журналистики. Моя биография — это биография простолюдина, созидающего свою жизнь, оторванную от уголовной среды и поставленную на новый путь путем честной трудовой жизни. По этому пути я иду уже шестой год, и, полагаю, рука на сердце, должна сказать, что иду с чистой совестью и открытой душой.

Мне дорог этот путь, права на который я выстрадал в тюремных стенах, в борьбе с самим собой и с теми, кто презирал меня за то, что я очищал свою душу, себя от грязи и тянулся к свободе, добру, чистоте. И я никогда не сверну с этого пути.

На воле я всегда два года — срок небольшой. Но за эти два года я кое-чего добился и сделал, что не мог сделать в тюрьме, и это, что не потеря, не расплескать... Поверьте, Вам никогда не придется за меня краснеть.

Да, все это в жизни Сергея было. И преступление и тяжелое наказание. Была и уголовная среда, в которую он попал в колонии и которая стремилась подчинить себе того, кто споткнулся, навязать ему свои законы, свои морали, презирать к труду. Но сразу встретил Сергей Давыдов на своем пути настоящего воспитателя, но когда встретил, по-

верил ему всей душой и твердо решил: первая картина прошлась, начинай жизнь по-новому. Но едва он принял это решение, его стала тревожить судьба тех, кто еще не сделал такого выбора, кто не произвел внутреннего расчёта с уголовщиной. Сергей Давыдов начал сотрудничать в многотиражке колонии. Он писал заметки о тех, кто честно трудится, и колючие фельетоны о «эпифонах», картежниках и тунеядцах. Чем острее был критический материал, тем решительнее становился герой на угрозы, ставил подпись Северий свою полную подпись. Начало его корреспондентской деятельности было «легким», но он и не искал для себя легкого пути.

Когда Сергей Давыдов и он приехал в Орел, ему сразу удалось устроиться на работу: на него смотрели с недоверием. В эти трудные дни парню противу пути секретарь горкома партии Василий Тихонович Слюнион. Он помог ему устроиться на работу, следил за его первыми шагами на новом пути.

И еще один человек сыграл важную роль в жизни Сергея Давыдова — заместитель редактора областной газеты писатель В. Комов, который уже в первых заметках Сергея, написанных на новом для него жизненном материале, разглядел человека думающего, способного, умного.

Осенью в жизни был в Орле. В новой, еще пустующей комнате, которую Сергей сам отремонтировал, мы сидели за столом и прошмыгивали альбом с вырезками статей и заметок. На первых страницах на克莱ены заметки, которые печатались в многотиражке колонии, на отдельный лист — та первая коротенькая заметка, которая была написана и напечатана в Орле, а затем идут одно за другим выпущенные в областной печати.

Теперь, когда я читаю ее, написанное Сергеем подряд, мне становится особенно понятно, какую роль в воспитании молодежи, поисков счастья, выработки характера постоянно привлекает его внимание. Он на собственном опыте узнал, как остыры и как сложны эти вопросы, он на дорогой цене заплатил за свое прощение, он на себе испытал, как целительно но, доверие к человеку.

Этот очерк мне хочется закончить двумя выдержками из последних писем Сергея: «Спешу поделиться с Вами радостной новостью — судимость с меня сняли. Прямо селе суд я зашел на почту, чтобы сообщить об этом своим старым, родным и Вам...»

И еще одно: «Поздравляю меня... Мне вручили билет Союза журналистов».

Сергей ЛЬВОВ

пробладают напирчайшие напитки. И вот ужесто, которое могло бы стать отличным молодежным кифе, превратилось в притягательный центр для забудьши и пьянц.

...Не так давно в городе проходил областной фестиваль молодежи. Эти два дня — субботний и воскресный — молодежь города запомнила надолго. В семнадцати местах на открытых эстрадах выступали участники художественной самодеятельности завода, фабрик и учебных заведений. В клубах было проведено много вечеvers с интересными, содержательными программами. Молодые рабочие, учащиеся, колхозники, которые приехали в город, встречались с поэтами, писателями, композиторами, с делегатами Всемирного фестиваля молодежи.

Город заполнила музыка, веселье, радостные лица.

Фестиваль показал, что в городе есть возможность для творчества молодежи ярко, ярко, умно, проводила часы своего досуга. Было очень хорошо, если оплы и успехи фестиwalia не останутся эпизодами, если и в следующем, рядовом воскресенье, пусть не в таких широких масштабах, на площади и в парки придут оркестры, артисты, спортсмены, выйдет активная, живая, инициативная молодежь.

Проблема культурного досуга молодежи в Орле, — впрочем, не только там, а и повсюду — перестанет быть проблемой, если комсомол увидит в ней одну из главнейших своих задач.

Политика доллара терпит провалы один за другим. В последнее время прозвучали громкие дипломатические пощечины дяде Сэму, который помимо воли американского народа стал символом грубой колониальной политики и агрессивных актов. Постижение «смутное время» переживает международный империализм!

... ТУРЦИИ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ И ШЕСТЬ ЧАСОВ

Переворот начался в полночь, и через шесть часов было замешано. Утром же в воздухе, сообщили, что турецкие вооруженные силы взяли под административную власть в городе Адана и Анкаре.

Не успела история и глаза мигнуть, как закончилось «правление премьер-министра-диктатора А. Мендереса».

«К половине первого утра части армии, флота и BBC захватили все ключевые

объекты в стране. Во всей Турции был убит только один человек — армянский художник Геворг Геворгян, лицо подпольной охраны, член партии Красной Армии.

Президент Турции Демирель Бюльбюл был захвачен в своем дворце. Он пытался прорваться к президенту, но его отбросили вниз, и он упал в огнифии кухонных ножом.

Министр юстиции наизнадобил из окна своего кабинета в автомобиле. Министр иност-ранных дел склонился с ще-роем и, несмотря на стрельбу внутренних сил, пытались укрыться в ванне.

Наконец Мендерес в это время находился в поездке по стране. В ту ночь он остановился в гостинице в городе Эскишехир, где выступал на концерте, заявив:

«Оппозиция думает, что нас можно спасти. Но мы слишком сильны!»

Сытое поукинами, Менде-

рес «отошел ко сну». В ко-

ридоре у дверей его спальни прахомился командир личной охраны — полковник BBC, который, несмотря на то что он знал, что не мог передать сигнала, чтобы арестовать Мендереса. Помимо этого, сам же Мендерес спальне премьера завоинил телефон: один из высших помощников — член правления партии Мендереса о готовящемся перевороте. Премьер тихо заснул на кровати, когда приблизился в соседнюю комнату, где спокойно почтенный полковник Полаттан. «Друзья по несчастью» обсудили план побега, и скоро назначеным на следующий день машины беглецов, и вскоре она была остановлена на улице.

«Вы собираетесь арестовать меня? — спросил помощник Мендереса у офицера. Да! — произнел ответ. Министр финансов упал в обморок.

Окончательную оценку событий в Турции сейчас дать еще рано. Но уже можно сказать, что расставание сия в стране, не прошли выборы. Глава государства — министр иностранных дел Ататюрк, генерал Джемаль, Геворгян сделали несомненные заявления, но неясно, какими способами изменить следующие основные положения:

— верим в НАТО и СЕНТО и верны им;

«...Принципы мира внутри страны и во всем мире, Ататюрк и Джемаль, являются нашим залогом».

Турция не согласится больше, чтобы американские шпионские самолеты «У-2» летали с ее баз без разрешения. Но неизвестно, что будет, чтобы американская помощь не сопроводилась более подозрительными действиями.

Так или иначе, в Госдепартаменте США мягко говорят, что события в Турции изменили обстановку.

Из упражнения католиков доллара выпала одна из самых популярных позиций — абсолютное проамериканский премьер Мендерес.

Будем надеяться, что новое правительство станет спасением для Турции, а не — со времен Ататюрка — ждет многострадальный народ Турции.

ЧТО И ПОЧЕМУ

... ЯПОНИИ

Разбуженный вулкан

Почти пятнадцать лет он кипит, — Соединенные Штаты Японию. Они называют ее односторонним мир-

«ЭКСПЕРТИ, СКАЖИ АЙКУ, ЧТОБЫ ОН ОСТАВЛЯЛ САМОСТОЯТЕЛЬНО САМОМУ!», — написано на этом плакате. Так встречал японский народ секретаря Белого дома по вопросам печати.

Нынешний договор, покрыли ее территорию сетью военных баз. В агрессивных планах Пентагона Японии отводится особое место. Она должна выполнить роль форпоста американской военной в борьбе против свободолюбивых народов Азии и Дальнего Востока. Но с этим в Японии была согласна лишь небольшая группа людей, стоящая у корняла власти и

тесно связанныя с военными монополиями. Никогда еще не было так ясно, что желания этой группы и интересы японского народа разделены глубокой пропастью.

События в Японии наглядно продемонстрировали, как уходит зевак из-под ног американских империалистов даже там, где они счи-тали свое господство незыблемым.

ЧУДОВИЩНОЕ ПРОИСХОДЯЩЕЕ

...ЮЖНОЙ КОРЕИ

Конец

кровавого президента

Рукун трои кропавого
працтви. Испанії, лжалий,
он бежал из Сеула,
а затм починає перепа-
ти від кримського
под кримського хо-
ри. Всі мир приветство-
вал ти побудувавською
такою, як і він, тільки за-
океаном воцарилось умисло.
Очевидчесно, президент
США послає відповідь
відповідь, отмічав «Від-
повідь».

...БОЛИВИИ, ЭКВАДОР!

Южнее Рио-Гранде-дель-Норте

Недавно в двух южноамериканских странах — Боливии и Эквадоре — состоялись всеобщие выборы Президентом новой республики Боливии стал Виктор Пас Эстенсоро, президентом Эквадора — Хосе Мария Веласко Ибарра.

Сообщим предварительно, что в Эквадоре шумная избирательная кампания, сопровождавшаяся стычками враждующих групп, потасовками и перестрелками. Как в одной республике, так и в другой имеются десятки

убитых и раненых.

Экономическая отсталость бескультурье — застаревшие языки латиноамериканских республик. Так было, так есть, но будет ли так в дальнемчай? Латиноамериканцы с каждым днем все яснее видят главную причину своих бед — эксплуатацию со стороны США.

Американские бизнесмены
охотно вкладывают капитал
в промышленность
стран, расположенных южнее
пограничной реки Рио-
Гранде-дель-Норте. Ведь они
знают: там дешевое сырье
и дешевая рабочая сила.
Американское правительство

во с видом доброго богатого дядюшки пригоршнями раздает кредиты и займы бедным южным соседям. А взамен требует сущий пустяк — широко распахнутые двери перед товарами марки «Сделано в США».

Десятилетиями я победил
американский доллар по Латинской Америке, там я был первым, кто
сказал о гиперинфляции, о том что
ланочни монеты, застывшие в
наменете, оставалась не
изменной на долгие годы.
Социальная и экономическая
жизнь нации промышленности:
новые заводы строили
и для себя американцы.
Сохраняясь в непрекращающемся
всплеске индустрии, мы
стали. Как их тронешь? Ведь
многие поместья принадлежат
им же американцам! При поддержке силы
нового свидетельства, мы
были сильны, будущая была

Экономическая зависимость и зависимость политическая — это сестры-близнецы. Экономическая кабала втягивала латиноамериканские

канские страны в фарвате политики США.

Не стихает ни на минуту народная борьба против капиталистической эксплуатации.

диктаторов Доминиканской республики, Парагвая и Никарагуа. Вся Латинская Америка бурлит, решительна

Показательны в этом отношении и выборы в Болгарии.

вии и Энандре.

Во время предвыборной кампании боливийские газеты писали о том, что экономическая «помощь» США используется для оказания определенного влияния на исход выборов. Несмотря на то что президентом стал кандидат от реакционной партии «Фоланхе социалиста боливийана», не кандидат от правового, антикоммунистического крыла правящей партии, а Пас Эстрада

ки», который был навязан стране Соединенными Шта-

тами.
В Эквадоре новые веяния тоже весьма ощутимо чувствовались на всеобщих выборах. Достаточно сказать,

что все кандидаты на пост президента — от самого пра-

«АМЕРИКАНЦЫ, УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ!» — требуют народы Латинской Америки

Фото М. Муразова.

«ШУРАДЕ»

Участники самородительской хореографической труппы подмосковного города Ступино, которой руководит балетмейстер Мухамед Вайданзетов, поставили на сцене своего Дворца культуры балет «Шурале». Публика встретила его с овациями и зачарованной долгописью. Сюжет, о лесном чудовище Шурале, неманиющим людей, о беспри主动性ном, находчивом юноше Батыре, побеждающем чудовище, — это старинная легенда.

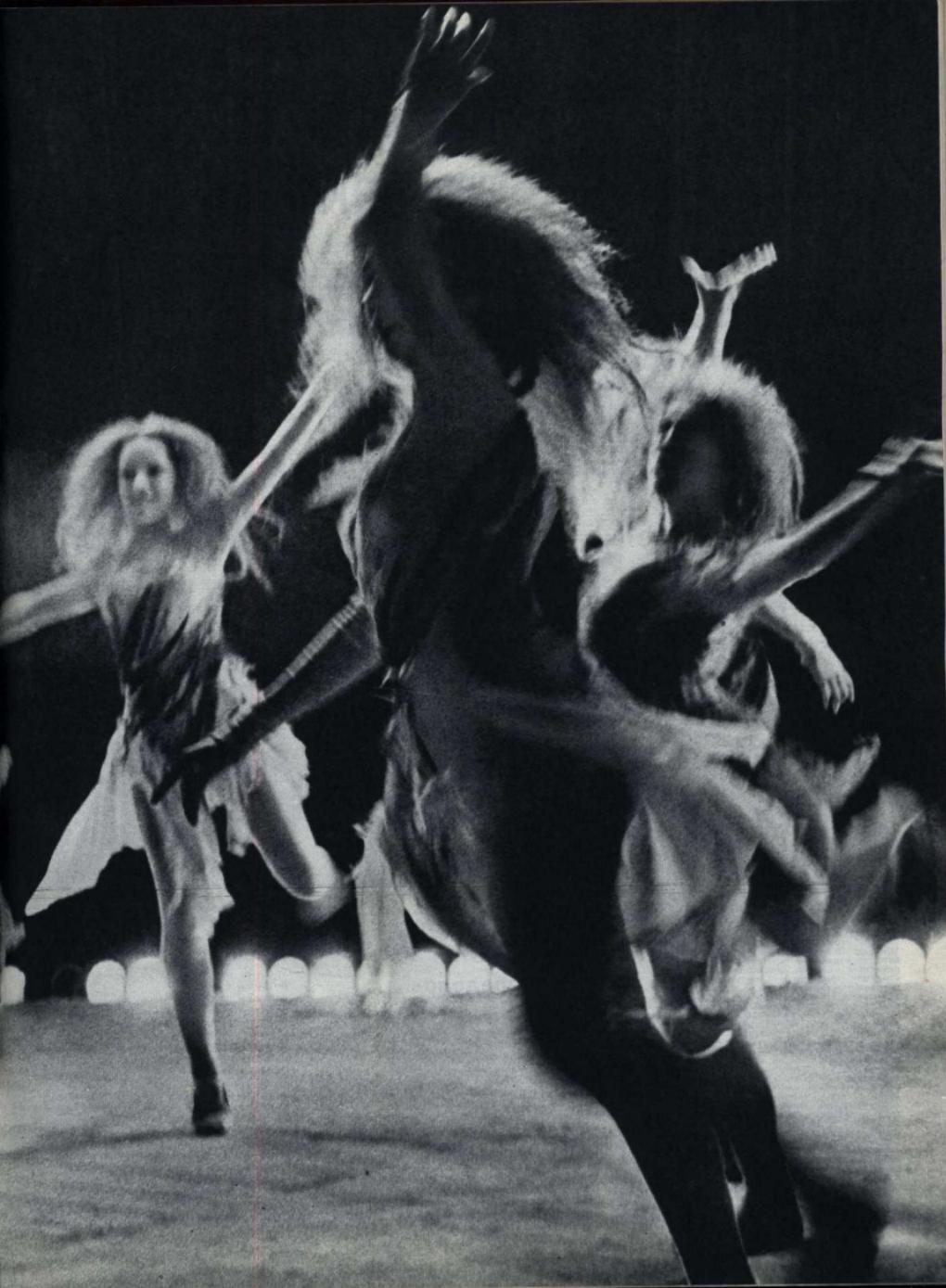
Невольно забываешь, что на сцене не профессиональные артисты, а люди, которые всего несколько часов тому назад работали в цехах.

В первом. Парень Шурале исполняет мастер Виталий Морозов. Он успешно сочетает работу, занятия в техникуме и балет.

И вправо. В бешеном ритме муряются ведьмы, влево. Ах, как лихо! Но ведьмы не успели сражаться на фронте, что через несколько лет после войны они станут не только членом бригады коммунистического труда, но и ведущим танцором, исполнителем роли Шурале Батыра.

После окончания техникума артистила в балетный кружок и Албина Лучинева. Мы видим ее в роли Сюнбике.

ПУБЛИКАЦИЯ «МЕНЫ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЛАКАТЫ МАЯКОВСКОГО

РАБОЧИЙ, СМОТРИ ЭТИ ДВА ДЕКРЕТА!

НАТУРНАЛОГ ОСТАВИЛ ЛИШКИ КРЕСТЬЯНАМ, А КАК БЫТЬ РАБОЧИМ? ВОПРОСЫ ЭТИ РЕШЕНЫ В 1 и 2 ДЕКРЕТАХ
ОМС. ОБ УГРУЖДИРАЗНЫХ ОПЛАТЫ ТРУДА «О ТОМ, ЧТОБЫ СПРАВЕДЛИВЕЕ»

ДЕРЖАВНЫЙ СОВЕТ СССР ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ ОПЛАТЫ ТРУДА ИЛИ О ТОМ, ЧТОБЫ СПРАВЕДЛИВЕЕ
БОЛЬШЕ И ВО ВРЕМЯ ПЛАТИЛИ

ДЕКРЕТ—ВОТ!
От тебя зависит, скоро ли он в жизнь войдет.
Смотри, чтобы кооператив организовался у вас.
Сам с волонтической не споди глаз!
В профсоюз идея за производством товаров для

ЧТО НЕ ЗНАЕТ ДЕНРЕТА О НАТУРПРЕМЬЕ? ОН ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ БЫТА РАБОЧИХ ВВЕДЕН

Мало кто знает, что параллельно с работой над «Онами» сатиры РОСТА В. Маяковский и художник М. Черемных выпустили пеструю серию постеров, пропагандировавшую пролетарскую пропаганду и популярную тематику демонстраций и постановлений Советской власти. Первые плакаты этой серии экспонированы на устроенной на манеже выставке «Смерть Маяковского». На выставке впервые в дальнейшем тексты рисунков вошли в собрание сочинений поэта. Но так как выставка продолжалась почти через десять лет после смерти Маяковского, плакаты Маяковского смогут выставляться лишь те из них, которые у него хранились.

Недавно в Москве были обнаружены немецкие до настоящего времени плафеты Манежного — Чемериной.

Одна из них, датированная в апреле 1921 года, повествует «Денегру о переделке, подписанному В. И. Лениным, и постановленному ЦИКом «Об обеспечении за крестьянским на- землением правильного и устойчивого поль- зования землею» за подписью М. И. Кали- нина. Плафет «Грабочий, смотри эти два дек- рета» датирован в июне 1921 года. Третий пла- фет о замене гумековой повинности труд- гумножилом — датирован началом апреля 1924 года.

Мы помещаем подписи к одному из плакатов, сделанные В. Маяновским и не публиковавшиеся ни в одном из изданий.

Против
переделов

Эх, крестьянам не до дела
в окнахны переделал!
Обработал поле тут,
коли его на части разут.
Передел хозяйства бремя,
запретим его на время.
Пони не кончен севооборот,
отвалившись, братец, с переделами от ворот.
Неподорядок, чтобы всякий переделы делал.
Спроси разрешение Узметода,
а Губбоден указает срок:
он насчет переделов строг.
Если сделан передел сочтут за лучшее,
можно и до срока переделать при случае.
Если, например, распределение невесомо:
у одного земляка земля, как Земля,
у другого скверна.

Полный передел производится, если перемены эти требуют крестьянства две трети. Возьмем бумагу, напишем на ней — и покажите за ответом через 14 дней. Если же у вас земли лишни, в другом месте земли есть, то частичная переделка землиники разрешат в Волгоградке. Подайте бумагу, сообщите в ней — и покажите за ответом через 7 дней. Кто ждет передела, не проявляя рвения, ни работать не хочет, ни использовать удобрения — будьте уверены, что по постановлению земли лишни. Если законом полученная земля у крестьянства есть, никто не может насильно по сознанию ее отобрать.

1921 F.

ПУБЛИКАЦИЯ «МЕНЫ»

Первый сатирический

В будущем музее советской печати журнал «БОВ» по праву займет почетное место революционных сатирических изданий. Их название мало что может сказать современному читателю, оригиналная обложка да и все его графическое оформление неизвестны. Но яркие и красочные плакаты первых лет революции...

РОСТА не было единственный центром, выдававшим плакаты в первые годы гражданской войны. Более поздней ролью, в этом деле принадлежала литературно-издательскому отделу РУРа (Политического управления Революционного комитета), находившемуся под Б. Д. Миром. Именно этот отдел 17 ноября 1920 года выступил с инициативой издавать сатирический журнал. Распорядителем оказалось А. Г. Годлевский, который в протоколе, что принятого предложением, В. Полонским издавал журнал «ОРС» («Орган революционной сатиры»).

Однако первоначально это было официальным. Спустя три лета, вследствие о встречах Маяковского, Мир расказал, как на началье декабря 1923 года Годлевский, издававший сатирический журнал и не знал, как его называть. Маяковский привнес и сразу занялся: «БОВ». И все поняли, что делают.

В начале же от радиции «Декрет об учреждении «БОВ» и способах применения, присвоенном сей частью монко, и сухопутных, и всех вообще путными силами разрушающих государство и общественное хозяйство», постановлялось:

«Ввести в постоянный обход гражданской войны старое испытанное, но за время империалистической войны не примененное оружие — хохот». И далее сообщалось, что «для организованного ударного и примерного применения» в санкционированном списке оружия на праах отдельной части особого назначения боевой отряд Весельчаков (БОВ), составляемый из подразделений первовольных коммунистов, из числа вооруженных по революционному власту им».

По свидетельству М. Черемных, такую расшифровку слова «хохот» дал автор «Декрета об учреждении «БОВ» и способах применения» технический секретарь радиации, вспоминает, что «в обсуждении «Декрета» участвовал в то время М. Маяковский».

Вместе с Маяковским в журнале начали сотрудничать и его друзья — «ростинцы» — М. Черемных, И. Малютин. Организовалась действительно

«боевой отряд» художников-сатириков, которые, как писали в альбоме, «чтоб агитацию было веселее, со звоном».

Из обнаруженных недавно архивных документов стало известно, что в первом выпуске журнала «БОВ» в редакцию вошли художники Д. Мир, В. Дени и Славинская, писавшая под псевдонимом «Чапаев».

В начале 1924 года вышел свет первый ежемесячный номер журнала.

Сейчас трудно с полной достоверностью сказать, при чем в прращении этого издания. Самое интересное это было связано с резким обострением бумажного голодя весной 1921 года, когда наполовину сократились и без того небольшие тиражи газет и журналов.

Тематика вышедшего номера определялась двумя основными моментами в жизни страны: военной победой в войне с большевистами и началом хозяйственного восстановления Советской Республики. Вылезшее из-за спины Родина «мурлык» — центральная тема первого номера. На последней странице обложки была помещена карикатура Мороза: физиономия обывателя, ковыряющего у себя в носу. Рисунок сопровождался надписью: «Громко, не ковыряй в носу, есть дела важные».

Была определена тема борьбы с мещанством, она же вошла в программные для журнала стихотворения Маяковского «Последние страницы гражданской войны» и «О дрияни», начавшиеся известными фразами:

Слава героям!
Впрочем,
Им
Дороги вошли вдами;
Теперь
Поговорим
о дрияни.

Незадолго перед смертью Маяковский написал и издал пьесу «Хлоп», в которой, помазав, как ни в наем другом произведении советской литературы, приобретенном параллелизмом с теми же темами, тот сам же, о котором он впервые написал в журнале «БОВ». И, вероятно, вспоминая об этом, поэт подарил эпиграф к первому номеру с тем же самым, очень хорошо формулирующей их взаимоотношения надписью: «Дорогому собою и сотовавщицу Муору Вл. Маяковскии, 10. X. 29».

Е. ДИНЕРШТЕЙН

Обложка журнала «БОВ» выполнена Маяковским. Заглавие журнала дано «на фоне красного знамени, победоносно развевающегося над падающим трехцветным царским флагом».

Последняя страница обложки журнала с рисунком Д. Мора.

Борис РАХМАНИН

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Девочки в толстых ватных брюках идут в столовую гурбий, перенесенную от главы руки клаудут на стол перед собой. Девочки смеются так и бражают, о чем-то весело гадают и черный хлеб горячий ракицких извлекают и едят.

Но вот уже вспомнили дали, тарелки белые стучат, и вновь ватные подмы свирепят в ложках у дочеч. Закрыва под косынки чечки, они отдают всех блажь. Но два вторых берут девочки и плюю с аппетитом плюют. И плюют, словно парни, словно

сейчас табак начнут курить, офицерикам тяжел беззубко и комментариев говорить. Но нет, все так идет, как надо... Пока гудки не загудят, девочки спорят о нарядах, дукало в зеркалах гладят. Они задирают и юны, они имеют все вместе ядрот, молодежного руки сунут в карманы, головы воротят брюки. К десне нахулы они торчат... И, вдруг, забыли своих, офицериков взглядом ребячим недолго провожают их.

* * *

Завод был, как бусинский пароходик: гудок, пыхте, тишина, хотя и ма.

Я был учеником на том заводе и все, о чём гудел он,

и помню. Я сразу стал как бы взрослой и лучше, рабочий членом — не шутка, но.

посколькуперед еще полукрая, мать выдыхала дешви на киню. И до чего же радостно мне было домой влязть в саже и поту!

Берег я руки грязные от мыла, как берегут от грязи чистоту.

Я жил отлично! Лицо одно искристое: и выше ростом был другие ребят. Бывало, взятым боланики тащил, и те

лиши на моем плече лежат. А чуть пригнувшись — снова неудача, другим вдруг не под силу станет груз.

Ребята танцуют — только что не плачут, а я, пригнувшись, среди них крадусь. Нет, я не мог так!

Из последних сил я выражалась и за всех танцевал

ИТАК, СВАРКА!

Наверное, при слове «сварка» у каждого перед глазами встает такая картина: разноцветным языком брызнут огненные искры — незащищенным глазом на них и не взглянешь, — наметкою срацивая металлы, движется элек-
трод, направляемый умелой рукой сварщика...

Верная ли это картина? И да и нет.

Еще несколько лет назад, такая вот, обычная дуговая сварка вручную была основным методом, применявшимся в промышленности. Но сшивать металлы вручную — очень трудоемкий и медленный процесс. На стройках и заводах сейчас все реже можно увидеть подобную картину. На смену приходят новые, высокопроизводительные методы сварки, так сказать, «автоматические» пограничие.

В самом деле, для постройки одного танкера необходимо сварить около 300 километров швов. Триста километров! Представляете, сколько требуется на это времени, если швы варить вручную?

Исследование новых методов сварки, в частности автоматической сварки под флюсом, позволяет коренным образом изменить технологические процессы производства во многих отраслях промышленности и получить большой экономический эффект.

Сотрудники Института электросварки имени Е. Патона создали установку для скоростной сварки. Она применяется в судостроении, для сварки стальных тонкостенных труб большого диаметра. Скорость сварки с помощью этой установки достигает 220 метров в час. Заметим, что в США она не превышает пока 60 метров в час.

Еще одно достоинство нового метода: он улучшает условия труда не только сварщиков, но всех, кто работает рядом с ними. В цехах, где ручная сварка заменена автоматической, нет испепеляющего света открытых электрических дуг, воздух значительно чище.

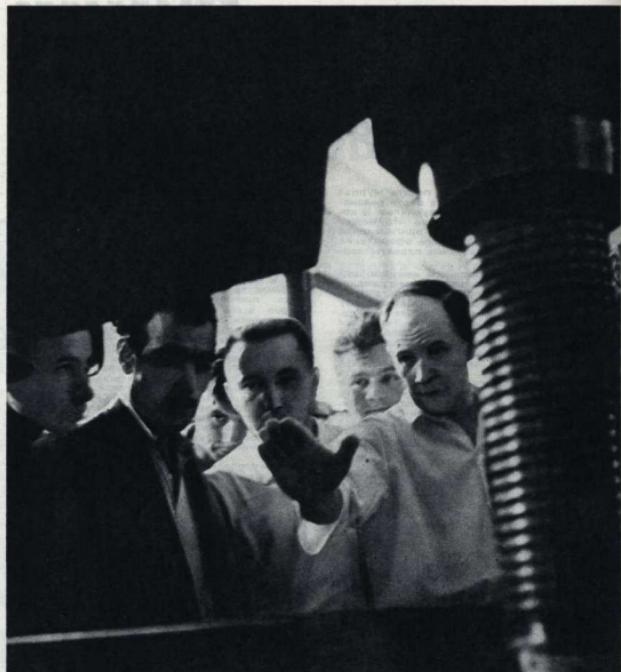
Автолюбители, автомобилисты и конструкторы узнали, что для изготавления автомобилей «Москвич» необходимо сварить 7 тысяч точек. При ручном способе на это потребовалась бы уйма времени. Сварочный автомат затрачивает в 150 таких точек одну минуту.

Автоматическая сварка под флюсом позволяет повысить производительность труда в 3—5 раз, а контактная — в 3—6 раз. За счет применения сварочных конструкций и наплавки износостойких швов в 1959 году сконструировано более 600 тысяч тонн металла. Из него можно изготовить 100 тысяч автомобилей, 70 тысяч тракторов и 350 тысяч холодильников.

Не правда ли, поистине замечательными свойствами обладает сварка? Но тут следуют сказать и о другом.

Внедрение новейших способов сварки в производство могло быйти быстрее. Но есть еще немало людей, которым предпочитают работать по старинным отсталым методам. «Так споймай!», — рассуждают они.

Обо всем этом не раз задумывались комсомольцы Украины. Ведь применение современ-

ных методов сварки поможет намного скорее выполнить огромные задачи, поставленные североукраинским планом перед республикой.

И вот родилось решение: взять шефство над сварочным производством должны комсомольцы, молодежь.

В самом деле, кому, как не молодым, бороться за новое, передовое?

О том, как быстрее добиться внедрения лучших методов сварки, что может сделаться для этого комсомол, и шла речь на совещании, которое было создано по инициативе Центрального комитета комсомола Украины. На это совещание украинские комсомольцы привезли сварщиков из других республик.

Молодые сварщики, инженеры, комсомольские активисты собрались. Инженеры с блокнотами в руках осматривали лаборатории педагогического научного учреждения. Сварка в среде защитных газов, сварка трением, ультразвуком, электронным лучом — все интересовало гостей.

Но, пожалуй, главное, что обсуждали собравшиеся, — это задачи, стоящие перед комсомолом по внедрению новых методов сварки в производство. Некоторый опыт уже накоплен.

Сооружая доменные комплексы на Альчевском, Ново-Тагильском металлургических заводах, на заводе «Криворожсталь», молодые строители этих удивительных комсомольских объектов широко применяли прогрессивные методы сварки и сумели благодаря этому удвоить производительность труда. При активном участии молодых рабочих и инженеров Ново-Краматорского машиностроительного завода в Донбассе был переведен на сварку монтажа тысячи тонн конструкций.

Но это только первые шаги.

Внедрять новое могут лишь люди, хорошо

знающие свое дело. Значит, комсомольские комитеты должны организовать обучение молодежи сварочному делу. Многое зависит и от молодых конструкторов и проектировщиков. Кому, как не им, добиваться подготовки таких проектов, в которых бы максимально применялись сварные конструкции и прогрессивные методы сварки.

Итак, в повестку дня — сварка!

За семилетие намечено в два раза увеличить выпуск сварных конструкций. Будут механизированы не только отдельные операции, но и целые технологические процессы. Причем затраты на создание сварочного производства составят 2 миллиарда рублей, а государству это принесет экономию в 12 миллиардов.

Задача — это горячая тема, заслуживающая внимания. И сейчас, как и в былые годы, партия обращается к комсомолу. И, как всегда, миллионы молодых сиреди, миллионы молодых рук готовы выполнить задание партии.

«...Объявим войну любителям работать «по старинке», пойдем по незвезданным дорогам новаторов. Приложим комсомольскую энергию и настойчивость, чтобы, поскорее осуществить семилетний план развития сварочного производства. Пусть швы, сваренные нашими руками, расскажут потомкам о крепости и силе наших горячих молодых сердец!» — эти гордые слова записаны в принятом на совещании обращением к комсомольцам, ко всем юношам и девушкам, работающим в области сварочного производства.

«Великое будущее принадлежит сварочно-делу», — сказал в прошлом году на юношеском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

Приблизится это будущее — новая почетная задача, которую партия поручает Ленинскому комсомолу.

Г. АНЗИМИРОВ

ОТВЕЧАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

РЕГБИ — ИГРА СИЛНЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ

Читатель А. Прибылов из Москвы интересуется спортивной игрой регби и просит рассказать о перспективах ее развития в нашей стране.

Регби — интересная спортивная игра с мячом овальной формы. В соревнованиях принимают участие две команды из 15 основных игроков в каждой.

Встречу ребят можно устроить на открытом поле или на другой, травяной площадке соответствующего размера. Надо лишь установить ворота из деревянных стоеч и перекладин на высоте трех метров от земли.

Задача нападающего — перенести мяч в линии ворот противника или перебросить его через перекладину.

Правила здесь довольно свободные: мяч разрешается передавать руками, ногами, можно просто прикатить его к сопернику и бить его через все возможные сложные маневры, задерживая, свалить на землю.

Стратегическая мыслью остается борьба за мяч, регби захватывающим зрелищем и настоящим спортивным состязанием.

Мы уже видели, что регби во время VI Всемирного фестиваля молодежи. Тогда в турнире регбистов принимали участие команды из 15 стран. Но сейчас эта игра завоевывает права грандистства и в нашей стране. Одним из первых успехов стала победа студентской команды в Московском авиационном институте, в Высшем техническом университете им. М. В. Ломоносова. Регби получает с каждым годом все большее распространение, приобретает новых поклонников.

Весной этого года состоялось первое заседание оргбюро Федерации регби. Разработана методика преподавания этого вида спорта, утверждены правила соревнований, обсуждается проект разрядных требований.

Теперь у нас неделями то время, когда мы будем «блеять», во время соревнований падающих регбистов и изозвем первого чемпиона страны по регби.

МОЖНО ЛИ ЗАЧНО ИЗУЧИТЬ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК?

такой вопрос волнует не только Г. Борисова из гор. Калининграда, но и многих других. Видимо, потому, что в городах, существуют ли у нас начальные, специальные курсы для изучения иностранных языков, где можно приобрести учебники, пособия.

Такие вопросы не являются новыми. Из года в год увеличивается число желавших самостоятельно изучить иностранные языки. Особенный интерес к ним привлекают молодежь.

В Москве организованы специальные курсы заряженного обучения иностранным языкам («ИН-А3»). Срок обучения — три года. Кроме того, есть одногодичный подготовительный курс. Онкончанием выдается свидетельство об изучении языка по программе, определенной Министерством просвещения ССР. Курс «ИН-А3» помогает научиться читать и перевести художественную и политическую литературу, излагать свои мысли на изучаемом языке. На курсах «ИН-А3» привлекаются лица молодежи, имеющие специальное образование. Применяются однократно в год — с 15 мая по 31 июля. Для поступления на подготовительный курс экзамена сдавать не нужно. Начало занятий — 1 сентября. Принятые на курсы обязаны привести с собой учебники и учебные пособия, которые выдаются заложенным платежом.

В течение года учащиеся выполняют письменные и контрольные работы. Выпускные экзамены проводятся в областях — или в Москве, или в городах, расположенных вблизи института иностранных языков.

За более подробными сведениями следует обращаться по адресу: Москва, Г-151, Б. Дорогомиловская, 27.

Продолжение. В дальнейшем существует заочное отделение 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков (Москва, Ростокинский пр., 13). Институт готовит учителей для средней школы. Принять в него просятся на основаниях, общих для всех языков.

В целом ряде городов созданы двух-трехгодичные заочные курсы при педагогических институтах.

Специальную литературу для самостоятельного изучения иностранных языков можно приобрести по адресу: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 18, магазин № 64, отдел «Книга — почта».

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ? — с таким вопросом обратился в редакцию Анатолий Утенко из г. Сталинабада.

Писем, подобных этому, редакция получает немало. Поэтому художники просят дать совет по самым различным вопросам техники живописи. Нашими издательствами выпущен целый ряд книг и пособий, в которых художники смогут найти конкретные советы и рекомендации. Однако некоторые из них мы здесь приводим.

Д. Киприани. Термина изобретено в 1950 году издательством «Искусство».

А. Бекютина. Начальные сведения по живописи. 1955 год. Издательство «Искусство».

А. Бекютина. Масляная живопись и ее материалы. М. 1956. Профиздлит.

А. Винер. Материалы масляной живописи. М. 1956. Издательство «Искусство».

А. Винер. Масляная живопись и ее материалы. М. 1956. Профиздлит.

М. 1957, издательство «Советская Россия».

А. Винер. Материалы и методы изобразительного искусства советских мастеров. М. 1958. Издательство «Советское изобразительное искусство».

А. Винер. Как пользоваться масляными красками. М. 1951. Издательство «Искусство».

А. Винер. Масляная живопись и ее материалы. М. 1956. Профиздлит.

А. Винер. Материалы масляной живописи. М. 1956. Издательство «Искусство».

Сборник статей по технике живописи. 1955 год. Издательство «Искусство».

А. Бекютина. Основы изобразительной графики (в двух частях).

ТЕМ, КТО ПОЕДЕТ...

В № 9 нашего журнала было помещено письмо о строительстве в Казахстане гранитного карьера на территории Караганды.

Статья вызвала многочисленные отклики наших читателей. Сотни юношей и девушек из разных концов страны написали нам, что хотят принять участие в этой новостройке, сделав сообщение, как это сделать.

Редакция связалась

с Главгидроэнергостроем Министерства строительства ССР и узнала, что строительные работы на каменоломне Иртыш — Караганда начнутся не раньше 1961 года.

По вопросу о том, какими рабочими складами следует обращаться непосредственно в Управление строительства Иртыш-Караганда, по адресу: Восточно-Казахстанская область, Бухтарминский район, поселок Серебрянка.

СПОМЕНТЕ, ДРУЗЬ!

По многочисленным просьбам читателей публикуем текст песни «Я люблю тебя, жизнь!», написанный поэтом К. Вишневским. Музыку к этой песне написал композитор Э. Колмановский.

Я люблю тебя, жизнь,
Что сядешь на тебе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот уж она заняла:
Я шагаю с рабом устало,
Я люблю тебя, жизнь,
Лягу почью, чтобы ты стала.

Мне некогда дано:
Широк земи и равнина морская,
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мусканская.

В звоне наядного дна
Так же счастлив, что нет мне покоя!
Был я люблю тебя, жизнь,
Ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи:
Полумрак, почуял на рассвете,
И вершина леса
Это чудо — дети.

Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, взрослы, прачьи.

Вдруг я увижу поток, сказчала.

Ах, как годы летят!
Мы грустим, сидим замечал,

Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебе звезды!

Так линий и волнистых
В грезах я вижу весеннего гимна!

Я люблю тебя, жизнь!
Людадесь, что это взаимно.

РАДИ ОДНОГО ДНЯ

олько прошум вас, пожалуйста, по скорей! — сказала девушка, зашлюпив заднюю дверку.

Каждый второй пассажир говорил ему это, и, как всегда, он кивнул, не оборачиваясь, и щелкнул счетчиком, ответив:

— Постараемся.

На этом чаще всего разговор кончался. Дорогившись водителю и судьбе, пассажир замолкал, потому оставалось только порезе тормозить перед светофорами, чтобы ясно было, как он спит.

Но девушка, видимо, осталась недовольна таким ответом. Она добавила:

— Пожалуйста, опозданием не поезд.

Он еще раз кивнул, обернулся, и подумал, что этого можно было не говорить. Если бы она не опаздывала, то, конечно, дождалась бы троллейбуса, а не выскакивала бы из очереди на проезжую часть, согнувшись под гжестью своего чеподня.

Он без труда определил характер пассажиров: эта была «торопящая», из тех, кто берет машину только в случае крайней необходимости. Облокотясь на переднюю спинку, она дышала громко и часто, словно не ехала, а бежала.

— По Садовой или через центр поедем? — спросила она.

— Ах, ну как хотите!

Он направил зеркальце, чтобы не видеть ее лица. «Если б я не посадил тебя, интересно, кого бы ты покутила в троллейбусах?» Главное было не податься на настроение пассажирки и всякий раз делать вид, что поддается. Если бы пассажир командала им, давно пришло бы рас прострощаться с водительскими правами.

Сначала ездили. Они проскочили на зеленый свет Смоленской и площади Восстания, но потом стояли перед Калужской, на Самотечной и на Колхозной. Она наконец перестала дышать ему в ухо и откинулась на сиденье.

В «Форуме» шел новый фильм. Алла Арионова, заряжающая улыбкой из стены прохожих и проникающая в них, впрочем можно пойти в кино», — подумал он, но не решал, кого привлечь: маленькую Нинюшку или Валыку из Большого Сухаревского. В конце концов почему бы не позвать их обеих?

— Вам, стало быть, Казанский? — спросила она, склоняясь к вискам.

— Да, да! — нетерпеливо сказала она.

Он подкатил к главному входу, тормознула и повернула ручажок счетчика. Она протянула ему две десятка и выпытала на тротуар свой чеподня. Он дал ей трешку сдачи, но она не двинулась с места, и тогда он достал из кармана зорю смытых, засаленных бумажек и привязал отскакивать среди них рублеки. Он протягивал их по одной, после каждой ожидая, что она скажет «довольно» и побежит из виска, но она ничего не говорила, и он сидел ей в лицо.

Спасибо, — сказала она, и он посмотрел ей вслед, как она шла, высунув левое бедро и держась на каждом шагу под тяжестью чеподня. «И носильщица не возмет», — насмешливо подумал он. — На какой же это поезд?

Расписание прибывающих поездов он знал изнанку по всем девяти московским вокзалам. А знать, когда поезда отправляются, ему было чисто к чему.

Отъехав к стопнике, он достал из ящичка хлеб, колбасу, отвинтил колпачок у термоса и налил чай. Это была генеральная мысль — пойти в кино и с Валыкой и с Нинюшкой сразу, вот будет смеху!

— ПРОЩУТЕ, ВЫ СВОБОДНЫ?

Откладывая гамок, он выругался про себя. «Поесть спокойно не дадут!..»

— Куда наядо? — спросил он грубо.

— Видите ли...

Он повернул голову и поперхнулся. Перед ним стояла давившая девушка с чеподном. — Видели?

Она жалобно кивнула, и он спросил, торжествуя:

— Опоздали?

— Я бы успела, — сказала она. — Если бы чеподня, я бы села...

«При чем тут чеподня? — подумал он. — Есл б не была такой жадобой, тогда бы успела и с чеподном».

— Отвезти вас домой?

— Понимаете... — она снова замаялась, — вы так хорошо водите... Мы не могли бы догнать стоя?

— То есть, кого? — Он не сразу понял, что она хотела... — Поехать?

Она кивнула.

Через пятьдесят пять минут остановка в Раменском.

Он машинально посмотрел на часы: четверть шестого — и хотел сказать, что ему лично пора в парк. Но вдруг передумал.

— Поехаем, — сказал он.

Даже если она сумасшедшая, ему-то какое дело. А потягаться наперегонки с поездом

выпадает не каждый день. Об этом он размышлял, уже вылезая на Садовую. Главное, выбраться из города.

За Крестинской заставой, выжимая газ до предела, он спросил все-таки:

— А не проще ли было дождаться следующего поезда? — Он сидел теперь рядом с водителем, оставил чеподня сзади. — Или на этом много теряешь?

— Не знаю, я не спросила, билет, наверно, не пропадет, — сказала она. — Только пашкарь.

Вот и я говорю: поехали бы на следующем.

Его ждали сутки, следующего.

— Ехать-то далеко вам?

— В Куббас. Станция Новокузнецк, город Сталинск, съыхали?

— Угу.

Стрелка спидометра перевалила направо, за сотню. Гулко гудели колеса, подскакивая на невидимых бугорках и вадру, на мгновение погиная в воздухе, теряли дорогу. Тогда казалось, что машина взлетает. Он говорил, не покорачивая головы, только изредка, косясь на часы: он замечал ее крепкие коленки под легким плащом.

— Разве плохо в Москве липший день простоя?

— Почему плохо? Неизъяснимо.

— Старая москвичка... или тамошняя?

— Была грустна... — говорил тамошний.

Он задавал свои вопросы механически, чтобы чувствовать себя не так напряженным. А сам думал: жаль, что шоссе не имеет здешней дороги, тогда бы гонка была точь-в-точку, как в кино. То машина быстрая, то поезд, те они порадались. Он видел это во многих заграничных картинах. А тут приходится смотреть.

реть на часы и высчитывать километры. При такой скорости трудно различить на столбах цифры. Догонят или не догонят?

— И чего вас туда несет?

— На спиртку еду.

— За двинским рублем?

— ?

— Я спрашивала: на деньгах подольстились?

— Да.

— Не прогадали?

— Нет!

— Ну и послала бы телеграмму, что задер-

жена. О лицах жителей и невест, веселые компании и деловые люди. За это спина призналась в любви и присоединила семейные сюжеты. У него были свои правила, неизвестные правила, которых он придерживался. Каково ему дело до всего этого? Пока он сидит за рулем, он извозчик, а пассажир — привадежность машины, такая же, как счетчик или мотор. Но тут разговор уже шел не про правила. А разве в этугонку он въезжал, следя своим правилам? И попутные машины обгоня в зоне действия знака «обгон воспрещен» — это разве про правила?

— Сколько же вы там загребаете, что боитесь дено потерять?

Она засмеялась.

— О, не хватает карманов!

— По автомобиру работайте или так?

— Я-то

— Вы, а кто же еще!

— По пустякам, — сказала она спокойно.

По комсомольской путевке.

— Вон как, идеальная, значит.

Приныкнув к городской езде, он совсем отучился синхронии. Сейчас на проссе, едва заведи вадим машину, он прижимал ободок сигнала и не отпускал его, пока машина не оставалась позади. И ему казалось, что идет он со скоростью звука.

— Сколько же вам падает? Я бы, может, тоже поехал.

— Мы не поехали, — сказала она.

— Это почему же?

— А сиди в и поехали, то ненадолго.

Он сбросил газ.

— Это почему же?

— Миленький, — сказала она, и он в первый раз повернулся к ней и увидел большие, расширенные от страха глаза, — не обижайся, пожалуйста, ведь мы успеем?

А надо успеть, для того он и поехал. Он расскажет об этом погоне за поездом маленькой Ниничке и Балке из Сухаревского, и во дворе ребятам, и юзерфам в парке. Он успеет!

— Я все обьясняю, — тихо сказала она, — в том-то и дело, что нам никто не платят; привески ребята спать завод, а делают нечего, фронта работ пока нет, заработка малыши. И стоим по полдня. Вот я и поехал

в Москву. В отпуск поехал... А вспом все собрали — на всякий случай, понял? Вон чемодан... Нельзя мне опаздывать, никак нельзя! Чубо мне думать станут? Это только так кажется: один день — срунда. Чего только не предвещается за день!..

Она, видно, не заметила таблички с надписью «Раменское». Он притормозил, и выслушав крикнул малыши, ожесточенно лупнувшись по забору:

— Эй, где тут вокзал?

— Чего? — Тот наступила на мяч. — Вам че-го, дядька?

— Станция где тут?

— Еще на ходу она приподняла ему сотню и отворила дверку. На счетчике набило семидесят четыре рубля. Он полез в карман за сдачу, но она вытищила чемодан и, сказав «спасибо», пошла.

Он дотягнул ее.

— Я помогу вам.

— Ничего, не стоит.

Они оба держались за ручку чемодана. Из-за стационарных построек появился поезд.

— Успели! — сказала она и опустила чемодан. Она подбежала к вагону, и он дотяг из кармана деньги. Десять рублей, двадцать...

— Малкин нет, — произнес он. — Сейчас разменишь.

Ничего, не надо! — сказала она с подложки.

Он все-таки побежал к ларьку, но поезд, тронувшись. Тогда он махнул ей рукой, и она ответила ему. Мимо него замелькали белые полоски на вагонах: «Москва — Новокузнецк»... «Москва — Новокузнецк»...

И стало тихо.

— Ну вот, — сказал он себе, — а ты боялась... И сел в машину. Медленно развернулся. Спешить больше некуда. Он опустил в себя какую-то пустоту, точно девушка его обманула. Словно бежал рядом с ней и останавливалася, а она уже далеко впереди...

ПОРТРЕТ ЛИОНА

ФЕЙХТВАНГЕРА

В мировой художественной фотографии хороший известен немецкий фотограф-портретист М. С. Наппельбаум. На международных и отечественных конкурсах и выставках он всегда занимал призы и медали. М. С. Наппельбаум — единственный из советских фотографов, удостоенный почтенного звания «заслуженный артист республики».

Созданные им портреты отличаются тонкими психологизмом, выразительностью, достоверностью и глубиной позиций. Таковы, например, первый тюменский портрет В. Ильинского, работы, сделанные с которого, разошлись по всему свету, в том числе и в экспозиции портфолио М. Горького, А. Куприянова, А. Толстого, М. Шолохова, А. Степановского, В. Мейерхольда, А. Гайдара, А. Порохова, Д. Шостаковича, Ф. Шаламова, С. Эрзени, А. Островского, Г. Улановой... Особую страину в творческой биографии Фейхтвангера составляют портреты политических и культурных деятелей зарубежных стран, среди которых Г. Димитров и Э. Эррио, Г. Уэллс и А. Барроу, Ж. Хейфец и Г. Гаас...

Мы познакомились с Наппельбаумом несколько лет назад, когда ему было уже около девяноста лет. Беседовать со старым мастером об искусстве было приятно, а рассказы о прошлом, о встречах с людьми, о которых он слышал весь мир, было истинным наслаждением. Как-то фотограф из Тюмени, участвовавший на первой Всесоюзной выставке фотомастерства в 1937 году, спросил у Фейхтвангера, что такое «фотомани».

«Дорогие друзья! Большое спасибо вам! — сказал он, — Первое доставило мне огромное удовольствие. Следующие фотографии меня очень взволновали. Она напомнила о моем пребывании в

нескольких дней в фотографии на Кузнецком мосту, где работал Наппельбаум, позволившему от немецкого писателя Лиону Фейхтвангеру выразить свои, неизвестные ему пристрастия, необычайно любви к фотографии. Наппельбаум, зная студию, мастер узнал в нем своего собеседника на выставке в Тюмени».

Но портрет Фейхтвангера оказался утроминским, Наппельбауму не смог

слать его самому постепенно.

Мы решили просмотреть все огромное количество фотографий, сделанных за семьдесят лет творчества, надеясь обнаружить все-таки «фотомани». Писатель начал увлекаться успехом. На одной из фотографий, выполненных в традиционном для Наппельбаума манере, был изображен один из немецких писателей своего времени — Лион Фейхтвангер.

Этот ранее не публиковавшийся портрет мы решили послать писателю. Ответ от Фейхтвангера пришел почти немедленно. В нем говорилось:

«Дорогие друзья! Большое спасибо вам! — сказал он, — Первое доставило мне огромное удовольствие.

Москва, так обогатившая мое знание. Я очень ясно помню Монса Наппельбаума. Еще тогда я в Большом театре увидел этот фотографию. Как наивное подлинное проявление искусства! Я оставил ее в зале членов общества друзей театра, чтобы члены общества могли увидеть ее. И я не знал, что это будет мое первое представление о себе самом, и вместе с тем для познания себя, наблюдения за мной, сохранение все самое существенное в мне».

Правда, вспомнив Наппельбаума мои самые сердечные поздравления...»

Фотография успела прочитаться это письмо за два дня до смерти. А еще через неделю в Тюмени состоялось первое публичное сообщение о кончине выдающегося немецкого романиста — за мной».

«Спасибо народу автора писателя Марта Фейхтвангера за память о нем!»

«Я познакомился с портретом, который сделал в свое время Лион Фейхтвангера Монс Наппельбаум, который продолжает доставлять мне большую радость... Этот снимок остался у меня, будто бы, это простая фотография; это — искусство, и потому он особенно дорог мне».

М. ДОЛНИЦКИЙ,
С. ЧЕРТОКОВ

Рисунки А. Дьякова и Н. Смолякова.

Есть такой городок!

На развалине дорог, там, где
серая лента большика круто
забирает вправо и, разрезав
сосенки в бор, течет к его
тесной, изогнутой, постящей
лиционер взмахом руки остановил
грузовую машину.

Шофер подал листок. Сердяжант
быстро прошелся по нему.

— Не пытайся перегорнуть
он плечами! — Матыра — река, а
не городок. Это во-первых. А во-вторых, ворота сессором.
Нузов машине вместе с грузом
не полонено. Ясно?

А в третьих — раздался
свирепый девичий голос:

— У нас тут лавочки есть.
Да и грунт под стапи нам, строите
также, как и бровь. И вспышка показала на аккуратно
слоненые плиты и серые тудо
увязанные тюки. И везем мы
все это в городок Матыра.

Лиценионер недоумевал:

— Что это числится у нас
такое?

Он был по-своему прав. Если
посмотреть на карту Липецкой
области, то Матыра с ней
ничем — Матыра не название. И
все-таки городок существует.

...Как-то в обеденный перерыв
зашел в спортивный зал рабочий
изомосома липецкого завода

«Стройтранс» Вали Красинко-

ва.

— Опять будешь меня ру-
гать? — здоровалась спросила
она Германа Фоменко. — Ребята
сейчас вспомнят, что я сказала.

Герман слушал Вали и пони-
мал, что ругать ее не за что.
Он, как инструктор-подводник,
пронестись в море гимнастикой,
томе в не меньшей мере отве-
чал за нее. Но что можно сде-
лать?

Завод еще достраивался.
Чуть дунет ветерок — цементная
паста поднимется над стро-
площадкой и засыпает рабочих.
Даже врачи считают, что в та-
кой обстановке физическая за-
работка просто опасна.

«Нить бы нации ребятам за
городом, в лесу, на берегу реч-
и — вот где отдых!» и всплы-
вье в душу Германа. Этими
мыслями и поделился он с Ва-
лией.

— А что, — омывшись Вали, —
давай соберем спортсменов, по-
советуемся...

На собрании заводского спор-
тивного совета Герман распо-
зал ребятам о том, как в Ле-
нинграде, на фабрике «Скоро-
ход», в летних лагерях молодежи в
палаточных «оздоровительных

лагерях».

Его перебили:

— Слыхали про это, Толико
ведь лагерь такой в летней ленин-
градской колонии! Нуужно 160
тысяч рублей!

— Не выйдет у нас значит,
ничего, — вздохнула Вали Крас-
инкова и добавила: увидим, как
пляшут за столом эти зеки, а
затем в духе цементных пикинок —
так на Матыре, прохлада...

Слыхали про спортивные долги,
много было шума. И все же вы-
ход был найден.

...По дороге движется не-
сколько автомашин. Темно.
И только гул гиацинтов под вет-
ром соединил золотистые стволы
деревьев. Сирены взвились из
поворотах, напоминают, что
едем мы по лесной просеке.

...Впереди вспыхнули огни
сигналы. Задние рейсы они ни-
чего не получают. Но впереди
их идет сон на свежем воздухе,

и передний свет вспыхивает из
глаз сосен. Вот почему после рабо-
чего дня водители с удовольст-
вием ездят за город.

Впереди засияли огнишки.

Шарфиры вырулили к небольшо-
му деревянному дому. Надпись

на заборе спортивный зал, але-
тина на крыше электрическим све-
том.

Спортивчество от высокон-
вой линии сюда, в глухо-
мань, подтянули заводские
электрики. После работы они

ставили столбы, тянули прово-
да. Базу построила бригада де-
вушки из деревенского цеха. Руково-
дил ею мастер Владимир Его-
рович Жданов.

Сперва были трубы: «Бе-
ри лонжу, бери банку».

Девчата выгузили из маши-
ны термосы с едой, приготов-
ленной в кухне спортивной столовой.

Здесь на лесной поляне, апел-
лит у всех особенный...

Утром меня разбудила коман-
да:

— На зарядку становись!
Но Германа я увидела Германа
и Фоменко. Когда мы вечером
уезжали с завода, я осталась

в городе.

И утром пришли с ребятами и
ребятами из ночной смены,

пописки он. Потом подозрел вы-
соконого паренька и представил:

— Это Валерий Фоменко, наш хорхур,

а общая машина на

сто рук. Это единственный в го-
роде «освобожденный кадр».

Фоменко, конечно, хороший
человек, если зарплату ему не зас-
вонят, бригада! Он бе-
зумно работает. У Валтера Ермолова

работает. Но Германа это
дружки: не станем никого на
место замещать братья. И не взя-
ли на них никакую сумму на 150

процентов выплатить.

Мы пошли с Валерием осмат-
ривать спортивный городок.

Сдано часовня замки, висят
и наружи сны. Флаг на двадцати-

метровой маече не положатся.

Все это было вспоминанье. Ере-
рика показал на одну из них:

— Это клуб. Есть ту и теле-

визор, волейбол, настольный теннис,

и настольный бильярд. Всё это нам

директор наш Илья Филиппо-

вич Бражников и председатель

комитета ветеранов.

Две палатки стоят на отшибе.

В одной разместилась библиотека

«Студенческая». В другой —

заочники и экзамены готовы-

лись, а сейчас занимаются бу-

дино. Быть может, потому что

они приезжают тогда, когда в

подготовительных группах нет

занятий?

Также теперь пошли в наш

спортивный городок.

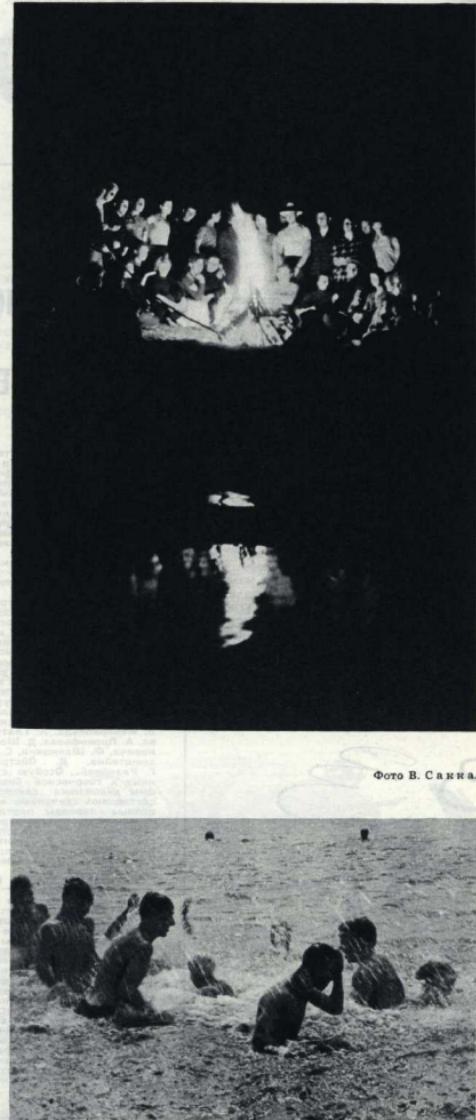

Фото В. Сакка.

Отличная волейбольная площадка. Столы для пинг-понга, баскетбольные щиты...

Игроки болельщики шутят, смеются. Смех слышится и со стороны реки. По Малкее сплавляют лодки. Одна, две, три, четыре, пять...

— Сколько же все это стоит?

— Реклама...

— Не рассказывайте, сказали.

Почему сказали? Просто все,

что здесь продается, сделано

руками, делали сами. Флаг-

шток — работа Виты Костина и

Семи Мордасиной. Кочки для волейбольных машинки из арматурных сеток сварили из отходов арматурщиков из бригады коммунальщиков Тимофея Григорьева.

Над подиумами, теннисными

столами потрудились деревооб-

орудовщики Валерия Рогова и

Ивана Краснова. Щиты смонтиру-

ли безбородовцы. Скамейки устано-

вили ходовцы...

Флаги висят на поляне одна за

другой. Каждому стараюсь под-

хватить и удерхать в записной

книжку, — говорит деревооб-

орудовщик.

— Купили мы только спич-

кинны, рюкзаки, компасы, мас-

ки и рулетки для подсчета

тих метров пакетов... Осталась

одна палатка подарили нам наше

строение, — говорит на постоечке

принародного дядя директор

из своего фонда...

— Нас окружали девчата,

— Принимают грибы для

«дачников!» — прогоняют фини Балерию полные нудовки.

— Дачники? Это кто?

— Дачники — те, кто приез-

жает сюда платя работу. Они

за членство платят и платят

двадцать пять рублей. Многие

проводят в Матыре и отпуска-

тесь. А остальные на

«хозяеванием». Остальная сто-

мость путевок доплачивает эва-

таж. Таким образом, наше горо-

дышко, открытое весной, три-

дцать — тридцать пять дней за

летний сезон.

На часы, — говорит Валерий

сплюхивает сквозь:

— Пора собираться, сажен на

«хозяеванием» автобусу...

Через три минуты городок

ониезжают. Одни убирают терри-

торию, другие — новую заросль,

третий — новые стоянки...

— Вечером мы уезжали на ла-

геря. На повороте взмахом руки

колонна машина привлекла посто-

вала милиционеров.

— Попрошу передать вашему

назначению, что я рассказал о на-

размещении гостей.

— А на кого нам? Мы и так

дорогу знаем, — отвечает води-

тель.

— Во-первых, для порядка.

Во-вторых, про ваш городок

должно быть известно, что в

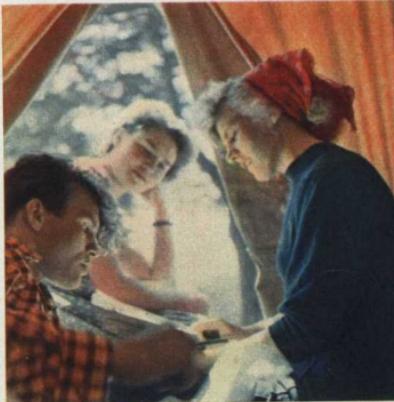
архиве саржант дружеливо

прикладывает руку к козырь-

ку, — веселого вам отдыха, то-

варищи!

С ЧЕРЫГИНА

Ада Рыбачук.
Из цикла «Береговые люди».

Владимир Мельниченко.
Сети.

ПРОСТО ВЫСТАВКА

Мы привыкли к тому, что художественная выставка непременно «событие». К нему готовятся иногда годы. Заседает множество жюри, одно другого строже. Выбирается огромное помещение, разрезается ленточка, произносится речь. В отчетах о «искусствоведе» мелькает слово «праздник». Между тем в наше время художественная жизнь достигла такой интенсивности, а просто жизни — таких темпов, что эти выставки «праздника» не может более быть главным. В последние годы все больше устраиваются выставок. В том числе в Музее Московского Союза художников, что на Кузнецком, то на улице Горького или в Ермолаевском переулке, то в ведомственных клубах. Это хорошо. Но этого мало. В таком колоссальном культурном центре, как Москва, одновременно двадцать небольших выставок — это, как нам кажется, совсем немного.

Руководство Союза художников надо иконок понять, что демонстрация творчества профессиональных художников не является боем для них, а лишь изысканным, удачным, так сказать, актом веселения. Экспонирование работ не право художника, которого следует добиваться, а его обязанность, обычный показ текущей работы. Тогда не будет кулиарных сплетен, исчезнут из обихода «тависневые гении», работ которых никто не видел, разве что особо посыщенные. Развеются неизвестные репутации, и художественная жизнь примет форму того соревновательного процесса, который вызвался собой в первые века христианства.

Вот с такой простой выставкой и хочется нам рассказать. Экспонировалась она в «Клубе интересных встреч» Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, а организовал ее журнал «Молодая гвардия». Были представлены художники, связанные с журналом. Кроме места работы, они объединены еще и возрастом. Но они все разные.

Мы часто произносим слова: «Искусство должно быть современным», «Художник должен быть близок жизни». Справедливости ради скажем, что были ораторы, у которых за ними нет никакого содержания. Эти слова порою превращаются в обиженное обрамление речей (нельзя же отствовать от вежли). Когда инженер или агроном говорят, что он должен быть современным, последние точно представляют себе, что это такое. Когда эти слова обращают к художнику, он, бывает, теряется. Нельзя же в самом деле думать,

что все дело ограничивается эпитетом. Написал плотину — современен. Написал пейзаж — отстал. А ведь можно писать плотину так, как ее, скажем, написали бы в девятнадцатом веке, и можно написать пейзаж так, что все почувствуют шестидесятые годы нашего столетия. Пусть не подумают, что мы против современности свого смюкета. Однако, как видно, вопрос не такой прост.

Начну с Ильи Глазунова, изложившего язычески и зрительно впечатления лишь части того самого листа, когда после работы яшел в парк, на выставку.

Эти могли быть впечатления и не моя, а другого человека, живущего в Москве и в жаркий летний вечер 1960 года идущего по городу.

...Москва побывала бы раскрыта для сплошной, поглощающей, погружающей в себя, поглощенной любви, которая здесь приведена — не более чем конспект. Запись дня инженера, прокатчика, студента, журналиста последовательна и точна — трудовая работа. Запись займет неисчислимых журналов, как «Смена», а может быть, составит объемистую книгу.

Но что значит быть современным художником? Это значит, что эти или подобные им опущенные, наблюдения и мысли так или иначе отражаются в их картине, в их графике, иллюстрации. Так или иначе. Как именно — это секрет творческой индивидуальности, секрет мастерства. Если же рисунок или полотно могут служить предметом своеобразной вынужденной темы «в каком веке это написано», тогда дела художника неважны. Рисовать он умеет, а сказать ему нечего!

Вот, к примеру, рисунок картина И. Сущенко, изображающий лес. Хорошая техника! Но пойдите, пожалуйста, в Третьяковский галерею и посмотрите в витрине, задернутой полотном, что там изображено. Ах, да! Это — деревня в деревне. И эта деревня — деревня Шишина — ведь не отличишь! А вот акварель того же И. Сущенко. На ней вьетнамские «Джонни». Красиво! Но по манере и по технике удивительно похоже на акварели Климашинина. Мило, красиво, но не более! А где же сам И. Сущенко? Что-то пока никого не видно.

Влияние — вещь естественная. Во все века мощный гений того или иного художника определял течение направления, и десятки и сотни молодых авторов поражали ему, подражая и в своем творчестве его достижения. Так бывало с Тицианом и с Рафаэлем, с ДаVинчи и с Брандтесом, с Клодом Моне и с Ренини. И нет ничего удивительного в том, что наши молодые часто пишут под Сарынина, Дейбену, Пластова, Кончаловским, Сергеем Герасимовым. Но когда художник скажет по «странам» и когда художнику уже тридцать, это наводит на грустные размышления: пора бы определиться!

Наконец мы вновь увидели работы Ильи Глазунова. В 1957 году в Москве, в залах Центрально-

и вздруг оказывается, что эта далекая история чём-то близка нам. Потому что есть справедливость, красота, радость, любовь и есть корысть, грязь, печаль и инаңыз. И пусть все эти чувства обращены на другое, ушедшее, но чувства-то человеческие! Значит, есть вещи нестареющиеся! Об этом и думают зрители, аплодируя.

А день еще не кончился.

Кратчайшая пропаганда записана в виде наброска, маленький, который здесь приведен — не более чем конспект. Запись дня инженера, прокатчика, студента, журналиста последовательна и точна — трудовая работа. Запись займет неисчислимых журналов, как «Смена», а может быть, составит объемистую книгу.

Но что значит быть современным художником? Это значит, что эти или подобные им опущенные, наблюдения и мысли так или иначе отражаются в их картине, в их графике, иллюстрации. Так или иначе. Как именно — это секрет творческой индивидуальности, секрет мастерства. Если же рисунок или полотно могут служить предметом своеобразной вынужденной темы «в каком веке это написано», тогда дела художника неважны. Рисовать он умеет, а сказать ему нечего!

Вот, к примеру, рисунок картина И. Сущенко, изображающий лес. Хорошая техника! Но пойдите, пожалуйста, в Третьяковский галерею и посмотрите в витрине, задернутой полотном, что там изображено. Ах, да! Это — деревня в деревне. И эта деревня — деревня Шишина — ведь не отличишь! А вот акварель того же И. Сущенко. На ней вьетнамские «Джонни». Красиво! Но по манере и по технике удивительно похоже на акварели Климашинина. Мило, красиво, но не более! А где же сам И. Сущенко? Что-то пока никого не видно.

Влияние — вещь естественная. Во все века мощный гений того или иного художника определял течение направления, и десятки и сотни молодых авторов поражали ему, подражая и в своем творчестве его достижения. Так бывало с Тицианом и с Рафаэлем, с ДаVинчи и с Брандтесом, с Клодом Моне и с Ренини. И нет ничего удивительного в том, что наши молодые часто пишут под Сарынина, Дейбену, Пластова, Кончаловским, Сергеем Герасимовым. Но когда художник скажет по «странам» и когда художнику уже тридцать, это наводит на грустные размышления: пора бы определиться!

Наконец мы вновь увидели работы Ильи Глазунова. В 1957 году в Москве, в залах Центрально-

го Дома работников искусств, состоялась его персональная выставка. И то было шум! Расставлены истеричные девочки с причешкой «кошмы» в моде), можно было пробежать и не различить, что Глазунов действует только галантно и поклоняется на других. Чего больше — галантности или неподобаести? — об этом предстояло судить в дальнейшем. А дальнейшего-то и не было. Глазунов на выставках почти не появлялся. Тогда, в ЦДИ, казалось, что он остро чувствует тему современного города, и тема эта представляется ему драматической. Его герой с расширенными глазами смотрели на нас тревожно — вскоре исчезали. Но у Глазунова насторожило на звуковое повторение приема — зловещие зрачки буквально всех его персонажей, словно им перед позированием вливали адреналин. Однако Глазунов хорошо рисовал. Вот портрет Юлиуса Фучика, идущего на казнь. Картина выполнена маслом. Она экспонировалась три года назад, выставлена она и сейчас. Картина имеет свою достоинства, тревожит, хотя Фучик изображен как бы «по ту сторону жизни». Но нынешние портреты Глазунова горячат. Это подстерег рязанских колхозников. Ничего не забыл и их увеличенные глаза? Еще «Смена» выполненная гуашью, глязно по живописи, по просту некрасива, неточна по рисунку. Оказавшись вне критики, вне естественного общения со своими товарищами, Глазунов стал работать плохо. Его творчество — явление своеобразное, заслуживает серье兹ной и большой статьи, но вывод можно сделать и сейчас. Художнику надо как можно больше работать над современной темой и вкладывать в нее частичку своей души. Фор-

илья Глазунов.

Портрет рязанской колхозницы.

А. БРУСИЛОВСКИЙ. Иллюстрация к Э. Кондуэллу.

мальное отношение к теме никого не обманет, оно немедленно мстит за себя самой страшной для художника местью — упадком мастерства!

Замечательное явление выставки — работы Ады Рыбачук. Одна из них, «Мужчина», художница Влада мире Рыбальского, уже появилась, и повторяться не в чему. Проработав пять лет на Крайнем Севере, художники привнесли огромное количество вещей сильных, талантливых, содрогающих. Цикл монотипий Ады Рыбачук «Береговы люди» — это гимн мужественным народам нашего Севера. Это дети земли, промерзшие на десятки метров, и это дети народа Советской страны. Смелые линии, холдовидные тона, ни намека на сусальный, наобирот, подчеркивание резкости, даже грубоватости. Листы ее гравюр, изображающие постройку домов погромческими кочевниками, оленеводами, охотниками, волуптарианцами и т. д.

Владимир Мельниковский неожиданно оказывается более лириком, чем Ада Рыбачук. Его листы «Артистический аэродром», «Сети» — поистине маленькие черно-белые поэмы.

Вообще гравюра все больше и больше привлекает наших молодых художников, и это замечательно. Гравюра декоративна, она, как говорят художники, хорошо «дергает струны», гармонирует с современной мебелью, керамикой. Но главное даже не в этих ее качествах. Гравюра — му-

жественный жанр. Можно, конечно,

передавать в ней и душевную

расслабленность, хандру. Но гравюра монументальная по существу. Стоит вспомнить классические работы на дереве Фаворского или мексиканца Леопольдо Менсеса и его учеников из «Мастерской народной графики».

Очень интересны особенности и возможности гравюры и чувствует ритм времени Андрей Ушин. «Путти», «Вечер». Удлиненные тела подмосковных электричек, софы. Пор художника, пишущего маслом, говорят: у него красивый, артистичный мазок. Можно любоваться самой техникой художника, скажем, мазком Репина, и в этом же, право, нет ничего предосудительного. Гравюру режут на линолеуме или на дереве специальным разрезом. И почерк резца Андрея Ушина очень красен.

Ни Ада Рыбачук, ни Андрей Ушин не передают буквально всех тех сюжетов и наблюдений, что просматриваются вдалеке не только перечесленных выше, но и вновь рождающихся. Ни они родственны ни Альфонсу Мартьяну, ни первому взгляду далеким от современности. Это как на театре. Одни режиссеры ставят Островского так, как его ставили при жизни великого драматурга, и получается музейный спектакль. Костюмы, мебель, произношение, ритм — все как под стеклом на витрине, иллюстрация к курсу литературы. А замечательный советский режиссер А. Лобанов по-

ставил «На всякого мудреца довольно простоты» в Московском театре сатиры так, что люди, выходя из зрительного зала, переговаривались: удивительно, будто про нас! (Спектакль этот и сейчас идет — посмотрите!)

Сознание времени — качество, важнейшее для художника. Оно может быть выражено в натюрморте, жанре, неиспользованном забывшим Евгением Бачурином — автором натюрморта с кружкой, клубничкой, апельсинами, журналами. Можно себе представить изящин людей, здесь, на картине, отсутствующих. Это означает, что натюрморт — талантлив. Вывод: что по натюрморту никакой жизни представить нельзя: предметы — и все! А у Бачурина есть настроение. Каково? Попробуйте разобраться. Артистичность, гравящая с беззаботностью, «художественный» беспорядок, передающий простой беспорядок. Этакая принципиальная «холстическая» натюрморт. Однако если всмотреться глубже? Резкий, пятнистый, непрятный филоватый фон, как говорят, «с алином», (то есть довольно часто) является выражением несовременности, будущеторовности, временнозаданности. Радостные, но тоже резкие цвета клубники и апельсин подаются тяжеловесной формой тупозатой желтой гитары, расположившейся на столе, как бегемот среди фарфора. Неопределенность, некоторая беспшибанность.

Герои Ады Рыбачук знают, что такое труд и упругость мышц;

герои натюрморта Бачурина, думается, этого не знают. Они знают что-то другое, и это другое и приносит им спокойствия и духовную ясность.

Отсутствует последняя и у Ильи Блихи, художника с определенными почками. Давно слышу ее в альбомах иллюстраций в журналах. Хорошо удается ему связь драматической, романтической тоской человеческой и легкой грустью. Трудно себе представить Блиху, изображающую бурную радость. Впрочем, может быть, это и не его сфера — нельзя требовать от одного художника, чтоб он умел давать все. Но некоторая болезненность восприятия Блихи не только что неприятна, мне кажется, она стала явно мешать ему, стужать возможности его таланта.

Вместе с тем мастером иллюстрации оказался харьковчанин Анатолий Брусловский. Современны, остры, психологически выразительны и стилистически точны его рисунки к рассказам Э. Замбульда, А. Сарояна, Д. Лодыгина выполненные по цвету его монотонии «Красное окно» и «На снегу». Художник определившийся!

Вот и вся выставка. Некоторые ее участники здесь не называю, но это и не обязательно. Хотелось сказать о тенденциях, мыслях. Повторю: выставка — «событие», не «пара». Деловой показ. Хорошо то, что на стенах, расположенных в залах выставки (здесь очень уютная современная мебель), лежат книжники-каталоги, и их можно просто брать и не покупать. (Правда, экспозиция несколько не соответствует каталогу, но ничего: книга беда — на то и каталог.) Хорошо и то, что картины и рисунки вешены в один или два ряда, и не по принципу «многоэтажной застежки» больших выставок, и можно все просмотреть подробно. Меня, правда, поражает, пока устраивают выставки, где вещи будут висеть в один ряд и совсем не мешать друг другу. Хорошо бы через месяц-два вновь увидеть этих художников с новыми работами на других таих же скромных выставках.

Одним словом, хорошее дело сделал журнал «Молодая гвардия»!

А. СВОБОДИН

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ ПОВЕСТИ

Константина Паустовского

«Бросок на юг» —

пятой книги автобиографического цикла

«ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ»

Б. Ф. Шалипин пишет портрет С. Т. Коненкова.

ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ

С. Т. Коненков. Рис. Б. Шалипина.

— Вот мы и встретились снова,— говорит Сергей Тимофеевич Коненков, показывая на своего старого друга, сына знаменитого русского певца Ф. И. Шалипина художника Бориса Шалипина, который с группой туристов приехал в Москву из Америки.

Друзья их начали видеть в Москве 25 лет назад. Борис Федорович был частым гостем в мастерской скульптора на Красной Пресне. Там он познакомился с Сергеем Есениным, Мариенгофом, поэтом Румянциковым, художником Денисовым.

— Рисовать я стал в раннем детстве и с тех пор не прекращал этого занятия,— рассказывает Б. Шалипин.— В доме у нас были Серов, Репин, Коровин, Басенцов. Отец сам много рисовал и писал.

С. Коненков, хорошо знавший творчество Бориса Федоровича, говорит о нем как о талантливом художнике, продолжающем лучшие традиции русской портретной живописи.

Всегда оставаясь на позициях реалистического искусства, Б. Шалипин создал галерею образов музыкантов, художников,

артистов, писателей. Его картины принадлежат многие портреты отца, десятки рисунков, запечатлевших великого певца в различных ролях его репертуара. В 1940 году Борис Федорович написал портрет С. Рахманинова, который композитор считал своим лучшим портретом. Ныне эта работа находится в Московской консерватории, куда поступила в дар от художника в 1946 году. Интересны его портреты крупных музыкантов — Артуро Тосканини, Титто Руффо, Фрица Крайслера. Во время гастролей балета Большого театра в Америке Борису Федоровичу позировала выдающаяся советская балерина Галина Уланова.

Мы засвидетельствовали Б. Шалипина в мастерской Коненкова за работой над портретом прославленного скулптора.

— Москву не узнать,— говорит Борис Федорович,— я не был здесь 35 лет, и за это время облик города стал совсем другим: появились новые широкие улицы с красивыми домами, очень много машин, оживленное движение. Это новая Москва!

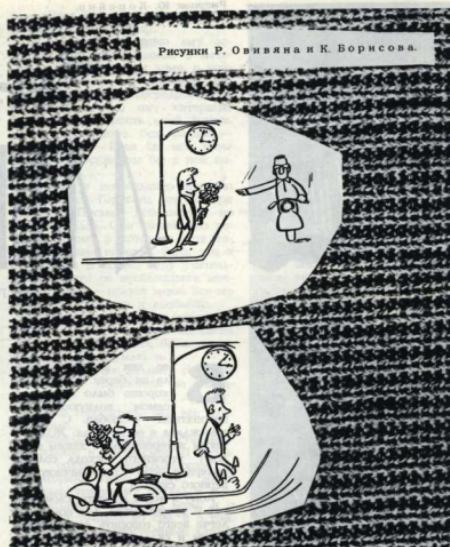
Б. Шалипин пробыл в столице около месяца, посетив за это время многие театры и музеи. Большой интерес вызвало для него выставка «Советская Россия». Особенно понравились художнику серия рисунков Б. Пророкова «Это не должно повторяться» и иллюстрации Д. Дубинского к поэзии Куприна «Поддубинка».

1 мая Борис Федорович с семьей был на Красной площади и не только видел весь парад, но и с удовольствием снимал его.

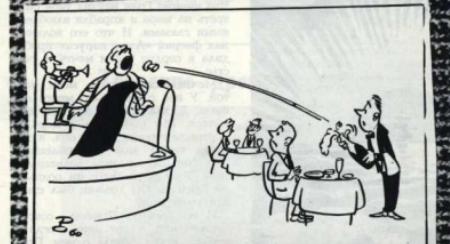
— Это — одно из самых ярких впечатлений за время пребывания в Москве,— говорит художник.— Парад молодости, силы, красоты!

Мне жаль расставаться с Москвой,— продолжает он.— Я не успел сделать то, что намечал... хотелось написать портреты многих людей, пейзажи Москвы... Но я собираюсь еще раз побывать здесь.

И. ПЛОТНИКОВА

Рисунки Р. Овивяна и К. Борисова.

Б.

— Твой приятель наказан и гулять не пойдет!

«...Однажды утром в морской
лодке солдаты спасли смер-
тельный парус... Ты увидишь
храброго краеведа-принца. Он
будет стоять и протягивать к
тебе руки. «Здравствуй, Ас-
солы!» — скажет он...»

АЛЕКСАНДР ГРИН

ДАЛЬНЕ ПАРУСА

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ТАТЬЯНОЙ С.

В те дни я часто ходила на берег залива. Там корюк было мечты о самом волнующем и непонятном — о любви. С трепетом ждала я ее прихода. Ждала с таким нетерпением, с каким море ждет утреннего восхода солнца, полярное небо — праздничного северного сияния!

Кому я могла доверить свои мечты? В восемнадцать лет почему-то легче всего говорить со звездами, морем и скалами. Они удивительно терпеливы, они умеют внимательно слушать и не хохотать, чтобы не испугать больших своих птицей. Привез Александра Грин. Что именно Грин научил тебя смотреть на море и корабли вахтенными глазами? И что это вошебная феерия «Дальне паруса» пробудила в сердце твоему мечту о счастье?

Мечта Ассоль стала моей мечтой. У нас с нею было много общего. Я, как и она, осталась без матери. Мы обе жили у моря, в портовом городе. Как и она, я хотела, чтобы мой возлюбленный был сильным, великолукенным. У меня было им родных, но боялся. Он должен был стать для меня всем.

И он принял. Принес совсем неожиданно, в тот день, когда я мечтала всего думала о нем. Принес на берег залива, в агородскую читальную, где я готовилась к экзаменам на аттестат зрелости. Я снимала пальто у зеркала, он открыл входную дверь и вошел.

— Здравствуйте, — приветливо сказал он гардеробщице. — Принесла книгу, которую мне нужно прочитать. Стала на ремонт. Он внимательно посмотрел на меня и покраснел.

Экзаменщик, совместивши спросы он, показывая на моя учебники.

— Да! — услыхнулась я.

Он был молод и красив. Он носил морскую форму, как, прошлем, и многие в моем городе. Но почему-то именно ему судьбою было первым войти в мою жизнь и оставить в ней неизгладимый след.

В читальном зал мы поднялись вместе. Было много свободных мест. Но он сел рядом со мной. Тогда мы пошли в читальную.

Его звали Саша. Саша Мартыненко. Я навсегда запомнила этот вечер. Саша читал Симонова, который я тоже увлекалась в те годы. «Жди меня, и я вернусь, толь-

ко очень жди», — говорил шепотом Саша. «Жди, когда — наводят грустные жуткие дожди», — тихо проговорил он.

А Грин вы любите? — спросила я его настороженно.

Начитавшись Грина, я и стала в шестнадцать лет юрким, — сказала он...

Я слушала Сашу, забыв о физике. Меня гораздо больше волновало, не растрепались ли у меня волосы, не смеха ли вороточки блузки. В эти минуты я не без удовольствия вспоминала слова моих подруг: «Ты ведь, Танька, хоронишься!»

Саша уединился со мною. Взял глубокий вздох. На речь стала хорабрая. Среди них было и Сашино судно. Теперь порт казался мне еще привлекательным.

Именно в этот вечер в мое сердце робко и осторожно поступила любовь. Могла ли я ее не испустить?

Меня впервые провожали домой.

— До завтра, — сказал Саша, прощаясь. — Ровно в двенадцать в читальне.

Всю ночь я не могла уснуть. А назавтра мы сидели в читальне. Саша снялся подготавливать меня по физике. Это было очень кстати. Но я была невнимательна. Мне было страшно, что Саша вдруг уснет громкий стук моего сердца. И он по-видимому, услышал. Нечаянно или нарочно он коснулся моей руки. Я замерла.

— На сегодня достаточно физики, — сухо сказала я.

Саша обрадовался. Мы пошли гулять по городу. Для Саша Мурман был чужим. Он родился на Украине и до войны жил в Херсоне, где оставалась его мать и брат.

— Ходили ли вы, в Запорожье, — спросил он, поежившись. — У нас на юге и воле ласковое и звезды разговорчивые.

— А я очень люблю свой край, — призналась я. — И северное сияние и неизмеримый порт... Да и выше солнце не светит цельными сутками, как у нас сейчас!

И правда, в эту ночь солнце неизменно сияло за нами. Оно смотрело на город и на берег залива, где под тонкой чалхенской обойкой краинской порты говорили что-то нежное лягушке. И они вели размахом каждого из своих.

Летом они, летом стремительно. По утрам мы занимались, а вечером бродили по городу. О чём только не говорили в эти тихие, проходящие вечера! С каждым днем я взрослела. А в день по-

следнего экзамена срезала косы и смысла, тщетно манипулируя.

На выпускной вечер я пришла с Сашей. Конечно, я очень понравилась подругам, гораздо меньше — моим читальщикам. Я знала, что они говорили обо мне: «Остались девочка одна. Выскочит замуж. А ей бы надо учиться!» Но я не думала об этом, я находилась в том счастливом состоянии, когда люди просто ни о чём не думают.

В этот вечер мы много пели, танцевали, смеялись. Забравшись с девчонками в укромный уголок, слушали Сашу, который рассказывал историю про первых флагиах. Саша казалась нам невыразимо интересным и умным. Когда мы застопорили для героях Аллы Толстой, он выражал свое существо томко. Впрочем, в то время как все мы, конечно, оплачивали Аину Каирину. Она была старше нас на целые семь лет!

Когда мы оставались вдвоем и пытли бродить по городу, Саша крепко обняла меня и поцеловала, да так быстро, что я даже не успела испугаться.

— Ты никогда меня не пригласишь? — говорил он, вардуясь и так и туда и сюда, не побоявшись у тебя.

— А когда вы уходите? — с тревогой спросила я.

— Завтра или послезавтра, — небрежно ответил Саша.

Эта новость в одну минуту лишила меня праздничного настроения. Я чуть не заплакала.

— Ну что ж, можно и в гости — решительно сказала я, — тем более, что сегодня мне и стеснится некого. Соседка уехала на два дня в Константинополь, в Киринес.

Все и хорально, — обрадовалась Саша, — страшь как не люблю строгих соседей.

Ему очень понравилась моя комната. Он долго стоял перед портфелем моей матери.

— У тебя такие же красные глаза, как у нее, — сказала он, глядя на меня.

Мы пили чай, читали стихи. И я все время ждала, что Саша заговорит о чём-то очень значительном: ведь он уходил в море, а я оставляла! Мне хотелось сказать ему, как я люблю его, сколько я его люблю. «Он даже не спрашивал моего адреса, чтобы писать мне письма... удивлялась я... и ничего не говорит о себе». А мне так хотелось рассказать о своей маленькой жизни, о том, что кончаются последние деньги, оставшиеся от матери, что надо решать, как жить дальше. Но, когда он смотрел на меня и гля-

для мои волосы своими болтыми, сильными руками, я болтала о чем сердцем не могла думать. Она улыбнулась, а я и обняла ее за плечи. И вдруг моя стала страшно. Я быстро встала.

— Потягнись! — предложила я.

Тревожное чувство охватывало меня все больше и больше.

— Ты дика и наивна, как Ассола, — усмехнулся Саша. — Конечно, ты ждешь Грома, а меня ты просто не любишь.

— Нет, мне больше никто не нужен — горячо сказала я. — Разве ты этого не знаешь?

— Не замечай, — ironически ответил он, — ты даже не хочешь походить со мной рядом.

Мы сели.

— А куда насаше судью? — спросила я робко.

— Это зоенная тайна, — усмехнулся Саша.

«Странно», — думала я, — почему он ничего не говорит о самом главном, о том, что же будет с нами?

— Что ты запечатала, моя Ассола? — спросил он, целуя меня в щеку.

Я — Ассола! Но почему он так начиняет себя вести? Почему с каждой минутой все больше и приличнее становится, будто я дикий? — Я — Ассола! Но почему он так безжалостен и груб? Я плачу.

И чего расстраиваться? — сказала он уходя. — Все равно же я, как кто-нибудь другой.

Мне ничего было ему ответить. Он должен был уйти, уйти навсегда.

Через несколько дней я случайно узнала, что в Херсоне его ждет невеста.

Милая соседка, Анна Петровна! Сколько часов она провела у моих постели, скользкая, нежных слов сказала, утешая, словно мать!

— Проклятые свадебные дни бросаются на шею к первому встречному и даже не знают толком, кто они.

Она права, эта старая, мудрая женщина. Она ведь тоже была когда-то девочкой.

— Поезжай в Москву, — сказала она, — поступай в институт. И ты еще встретишь настоящую любовь...

Я слушала и не верила. Ни во что хорошее я больше не верила. В дневнике я писала:

Смеются звезды, залив и скакают: Альпий в сказке Грина есть парус

алый.

И вот — Москва. Педагогический институт. Увлекательные лекции. Большие, светлые аудитории, занятые соцсети. Но почему-то солнце не радует меня, как прежде, даровало в холодах Зодиака.

Городской воздух, никак не знает, когда меня. В один вечер были смыты и растворены алье паруса. Теперь, в самые радостные праздники мне не бывает веселось.

Наверно, потому, что наследственная самая главный праздник юности — первая любовь. Вот уже третий год я в Москве, но сердце никому не хочет верить.

Я ничего не жду, хотя мое все-гда двадцать один год. Я больше всех мудрых изречений люблю мрачную английскую поговорку: «Не теряйте мужества — худшие опасности».

И я внутренне с ним соглашалась. «Помоги мне! — мысленно прошу я Бориса. — Или ты только умеешь говорить? Будто усыпив меня, он произносит:

— Почему? — обижается Альпийки. — Ведь не все одинаковы!

Однажды, во время избирательной кампании, меня назначили агитатором. Эта работа была мне неизвестна. Я очень волновалась.

— Ничего! — сказал комиссар. — Для начала скажи закры в клуб завода «Серп и молот». Там проводят беседы Борис Соловьев. Он старший агитатор вашей группы. Послушай, поучись!

И вот я в клубе. В зале тишина. Докладчик — смуглый сероглазый паренек. Избиратели слушают его внимательно.

«Ну, я никогда в жизни не смогу так выступить! — рассстремливается Помоги. У него это так здорово получается!»

Мне врантился его сильный, волевой голос, которым он держит аудиторию. И сам он. После доклада ему горячо и долго аплодируют. Он получает много записок, в том числе и мое. В них только одно слово: «Молодец!». Когда он читает мою записку, то очень смущается, краснеет и застенчиво улыбается. И сижу в первом ряду. Наши глаза встречаются. Тенерес я смущаюсь, краснею и улыбаюсь.

Мне хочется поговорить с ним, посоветоваться. Из клуба мы выходим. Несколько парней прокуривают сигаретку, другую. Неожиданно попадаем в кино. Идет фильм «Суд чести». Время сеанса он укладкой джаваха поглядывает на меня. Я боясь, что он сейчас возьмет мою руку. Настороживаюсь. Но Борис и не думает дотрагиваться до меня. «Может быть, я ему не нравлюсь?»

После сеанса мы долго и взахлеб обсуждаем картину. Потом я возвращаюсь в общежитие, а Борис едет в центр. Он живет в большой трехкомнатной квартире.

«Как мы дадеки! — думаю я. — Ему, наверное, непонятно, как можно жить без ванны и телефона. И вообще, он очень красиво говорит, что это еще не самое главное», — пишет я про себя, посыпав персидским перцем.

На следующий день он, смущенный, приходит в общежитие. Борис дает мне инструкции по агитации.

— Главное, не теряйся, — говорит он, — отвечай на вопросы избирателей, не вр, если не знаешь. Лучше запинки вопрос, подготовившись и в следующий раз объясни.

Я поступаю так, как читят Борис. Дела у меня идут неплохо.

Борис частенько бывает в нашем общежитии. Никто из девчат не сомневается, что у нас с ним что-то есть. Но это что-то — еще очень неясное, неопределенное. Помоги, я тебе говорю, что о том, что я ему нравлюсь, а про зовет куды-нибудь — в кино или театр. Иногда он просит, чтобы я почтала свои стихи. Слушает внимательно, задумчиво. И всегда возмущается: как можно в мои годы быть такой пессимисткой, как можно не верить в жизнь?

«Борис слишком благополучен, чтобы понять меня», — думаю я.

— Но как-то он говорит: — Мой мастер шестьдесят лет, а она верит в то, что алье паруса не только на сцене.

— И не только на сцене.

— Не торопись, — говорю я спокойно, — он еще успеет тебя обмануть.

— Почему? — обижается Альпийки.

— Ведь не все одинаковы!

— Если бы я мог заставить тебя писать другие стихи!

Я понимаю, начиная ему вешать. Часто рассказываю о матери, о разомбленном доме, о войне, пережитой в Мурманске. Его лицо серзено и сосредоточенно. Я чувствую, что ему интересна каждая подробность моей жизни.

— Трудно тебе без родных, — говорит он. — Если бы моя мама жила в Москве, вы бы с ней порадувались...

Вскоре я и неожиданно получаю письмо из Горького от матери Бориса. Письмо от матери Бориса. В нем смотрят на меня. Его глаза словно говорят: «Подожди, и ты будешь такая же веселая». Я в этот вечер еще не могла танцевать, так как плохо себя чувствовала после болезни. От слабости у меня даже закружилась голова.

Борис еще ни разу не поцеловал меня, а уже подружился со своей матери. «Да, значит,ывает иногда и так», — думаю я.

Теперь я уже не могу говорить девочкам, убегающим на свидания:

— Не торопитесь, они все одинаковые...

С каждым днем жизнь становится полнее и интереснее. И веселее. С каждым днем становящееся в будущем, снова радует меня. Я знаю, что увижу Бориса и смогу рассказать ему обо всем: и о том, что увидела во сне, и о том, что лопнули единственные капровые чулки, и о том, что ничего не понимаю в законе пребывочной стоимости. С Борисом можно говорить обо всем. А когда я виновато заблеваю и лежу в отда-

лении больнице на Соколиной горе, то каждый день получаю от него посыльки.

— Счастливая ты, видно, заботливый он у тебя! — говорит он без злобы соседка по палате.

Счастливая? Да, наверно, счастливая. А тогда, в Мурманске, писал Саша, и уже не хотел жить. Но ведь я сама во всем виновата. Я слишком быстро бежала на встречу алым парусам. А надо уметь ждать.

Выписывают я по болезни. Представители из Бориса. Письма виселись. Борис пласал. И все смотрят на меня. Его глаза словно говорят: «Подожди, и ты будешь такая же веселая». Я в этот вечер еще не могла танцевать, так как плохо себя чувствовала после болезни. От слабости у меня даже закружилась голова.

Борис увел меня в соседнюю комнату, уложил на диван, заботливо накрыл одеялом, и первый раз за все время поцеловал. Я услыхала. Спала до рассвета. Когда проснулась, было совсем тихо и светло. Все разошлись по домам. Борис был бледен, усталый, сидел рядом и дремал.

— Спасибо тебе за все! — сказала я, заплакав от радости и от обиды, что по глупости принадила когда-то грязные паруса за алые.

* * *

С тех пор прошло много лет. Мы всегда вместе. У нас есть дочь. Мы тоже подарили ей «Альме паруса» Грина и тоже ждем ей большого счастья в жизни.

Записала Елена ТУРГАН.

Творение древних зодчих

Кавказское побережье Черного моря славится многочисленными памятниками средней старины. Особенностью среди них занимает Абхазская стена, построенная более тридцати веков назад.

Главное сооружение стены — величественная дозорная башня, возвышающаяся в четырех километрах от города Сухуми. Отсюда стена тянется до горы Кара-буз, затем к горам Кодорские, ущелье, стремительно поднимается вверх к искривленной горе и вновь спускается. В этом районе, на высоте тысячи метров над уровнем моря, расположены Псырцхский храм и, обогнув живописные скалы, ведет к Гендерской крепости.

Псырцхский храм, Елангаль, Окуми и Ангелга, сбрасывает черноморскому берегу.

Общая протяженность Абхазской стены — 160 километров. При сооружении ее

древние зодчие весьма умело использовали рельеф местности. Неприступные скалы из огромных валунов, расположенные на высоких скалах и крутых обрывах, укреплялись деревьями. Там, где скалы были окончательно уничтожены, возводились деревянные башни и доты. Там, где скалы были окончательно уничтожены, возводились деревянные башни и доты.

Древние не все тайны этого величественного творения древних зодчих раскрыты. Абхазская стена имеет еще своих исследователей.

На снимке: различные виды и башни.

В. ПАЧУЛИНА, начальник отдела охраны памятников культуры Министерства культуры Абхазской АССР

г. Сухуми.

САМОЕ ПАМЯТНОЕ

На заседании «Клуба знаменитых капитанов» мы пригласили сегодня трех капитанов.

Рекордсмена мира Нина Откаленко — победительницу многих крупнейших соревнований. Она, в частности, установила своеобразный рекорд, выйдя пять раз подряд чемпионкой мира по кроссу на призы газеты «Юмагнат». В этих соревнованиях Откаленко уже много лет является капитаном женской сборной команды страны. Фехтовальщик Яков Рыльский — капитан команды советских эспадристов. Он единственным из наших эспадристов, кто сумел завоевать почетный титул чемпиона мира. Ну, а о футболисте Никите Симоняне,

несомненно, знает каждый любитель спорта. Это он многие годы был центральным нападающим сборной команды СССР. В времена чемпионата мира 1958 года, когда Симонян покорил Швецию, он также являлся капитаном нашей сборной.

Сейчас Откаленко и Рыльский продолжают выступать в соревнованиях, а Симонян, закончив свой спортивный путь, перешел на тренерскую работу.

О чём же рассказывали участники сегодняшнего заседания «Клуба знаменитых капитанов»? О том, что оставил в их жизни самый замечательный след, о самых памятных событиях своей спортивной биографии...

КАК Я СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

Конечно, для меня самым памятным событием в жизни стала победа в чемпионате мира 1958 года.

Сначала мы выступали в командных соревнованиях. Две дни выходили на дорожку, чтобы помечтаться сидами сильнейшими зарубежными мастерами. Это был своего рода марафон. Победителями в нем, как всегда, вышли венгры. Мы завоевали серебряные медали.

Затем начались личные состяза-

ния. Финалисты — это я и мой земляк Евгений Павловский.

Это француз Б. Лиффер, американец В. Каларезе и американец Р. Блон.

Легче всего поколых: их трое.

За несколько минут до начала

финала мы с Давидом вышли из зала подышать свежим воздухом. Мы знали, что нам первым предстоит скрестить сабли. И вдруг Тышлер, как поджошенный, валится на траву. Свело ногу. Да, ко-

мандные встречи и выход в финал дались ему нелегко. Я изо всех сил старался размыть его твердые, как камень, мышцы. Ведя впереди у каждого из нас было минимум по семь боев. Причем самых трудных, самых ответственных!

У Тышлера я выиграл сравнивательно легко. Следующий бой у меня с Охьрай. Охьра — молодой, высокий, резкий и злой боец. Он все время опускает руку книзу, надеясь на ответ в мой момент. Атаковать его очень опасно. И все-таки я решил наступать. Бой разыгрался, как по нотам. Я делал ложное движение вперед. Охьра был в темпе, но всякий раз мне удавалось перехватывать удар и нанести ему ответный. Охьра был настолько растерялся, что даже не мог сообразить, что происходит. Когда же он наконец обнаружил, что избранный им так-

Недавно я, уже как тренер, давал задание перед матчем молодому нападающему Валерию Рынинскому. Это было первый для Валерия матч в составе команды мастеров. Он очень волновался и все спрашивал меня:

— Скажите, а как вы прошли свой первый матч за «Спартак»? Удачно или нет?

— Нет, неудачно. Но это не

значит, что ты должен сыграть неудачно.

До этого матча навсегда останется в памяти Валерия. Я согласился с Ниной Откаленко, которая считает свой первый старт чуть ли не самым памятным событием в жизни. Действительно, для спортсмена особенно дорого все то, что он отмечает словом «первый».

Помню, как мне пришлось впервые играть против мастеров. Я был тогда 15-летним пареньком. Жил в Сухуми. К нам приехали московские динамовцы. С ними встретилась наша мужская команда. И вот в разгар борьбы получила травму один из сухумских нападающих. Я находился рядом с тренером. Он подозвал меня и велел идти раздеваться. Вначала я не поверил, потому что совершенно испугался. Еще бы! Играт против мастеров!

Помню, как я первый матч за команду мастеров «Крылья Советов» (Москва). Случилось так, что этот матч состоялся в моем родном Сухуми. Поэтому болельщи-

Наши спортивные руководители почему-то не любят отмечать юбилеи. Так, один известный московский десятиборец отпраздновал недавно 40-летие своей спортивной и педагогической деятельности. С именем этого легкобега связаны славные страницы развития не только многочисленных и многих других видов легкой атлетики. И вот мы с моими товарищами из Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций почтительно считаем неудобным отметить этот славный юбилей. Ждут, по-видимому, когда цифра будет «круглой» — 50 или же 100. Дальше, почему, например, нельзя было отметить 70-летие со дня развития нашей стране легкой атлетики? Или тоже «некруглая» цифра? Но у нас есть, незадача, и группировка для 50-летия легкой атлетики в Москве, полувековой период со дня первых международных соревнований в нашей стране...

Думаю, это неправильно. Знаменательные спортивные даты следуют и даже необходимо отме-

чать. И отмечать торжественно, прививая тем самым любовь молодежи к спорту.

Конечно, я не тот многоборец, который может праздновать свой 40-летний юбилей. Но и мой спортивный стаж довольно солиден. На дне я помню серебряный юбилей, о котором и хочу рассказать подробнее. Кому это — одни из самых знаменательных событий в моей жизни.

В моем дневнике имеется такая запись: «2 июля 1950 года. Первый старт на 800 метров. Дистанцию пробежала за 2 минуты 42 секунды». За этой коротенькой записью скрывается все то, что определило мою спортивную судьбу. Как сейчас помню этот день. Мне, тогда работавшему Торгово-промышленным управлением горного оборудования, в городе Дружковка в Донбассе, довелось защищать спортивную часть звода на всесоюзных соревнованиях обществ «Шахтер» в Симферополе. Но не в легкой атлетике, а в велосипедном спорте.

В 22 года трудно мечтать о лав-

тический вариант обернулся прорывом него самого, было уже поздно. Справительство легкая победа над Охмур лишила меня необходимой бдительности. Даум другим польским фехтовальщикам я проиграл. Особенно упорный был поединок с Павловским. У него превосходно разыгрывал дистанцию, идет, повторяю, ногами, может броситься вперед, ездит на скакалке. Короче говоря, с ним надо держаться ухо востро. Счет начинулся был 4:0 в пользу Павловского. Мне удалось отхватить один укол, второй, третий. Наконец, 4:4! Но на большее меня не хватило. Обидно прогрываети при счете 4:4! Зато теперь я по-настоящему разозлился.

Перед мной последним боем положение было таково: лирировал Тышлер; у меня, Павловского, Лиферса и Твердокенса было оди-

наковое количество побед. Но у меня оставалась еще один бой — с итальянцем Каларезе. Он решал все... Если я проигрывал, то делал место со второго по пятое, если побеждал, то набирал одинаковое количество побед с Тышлером и между ними назначалась дополнительная борьба для определения победителя.

Я и Каларезе на дорожке. Каларезе — невысокий, полный и очень подвижный. Каждая его атака сопровождается истерических криком. На слабонервного это может подействовать. Но я хорошо знаю Каларезе и спокоен. Уверенно, удар за ударом, я приближался к победе. Счет 4:0 в мою пользу.

И вот тут-то я совершил непростительную ошибку. Я решил рисковать, потянувшись вперед. Я ушел в защиту. Каларезе начал атаковать. Он захватил инициативу в свои руки, а я тем временем поте-

рел уверенность и растерялся. Ка-

ларезе нанес мне один удар, вто-

рой. В этот момент я увидел Да-

vida. Он стоял у края дорожки,

и отчаянно жестикулируя, показы-

вал мне руки: «Да-ви-д! Вперед!

Моя атака! И Каларезе уходит с дорожки побежденным.

И вот мы двое, товарищи по ком-
анде, боремся за звание чемпио-
на мира. Кто из нас станет им,
увидимся очень скоро, через пять
минут. Еще один бой... Правда,
для того, чтобы встретиться в этом
поединке, нам пришлось провести
такие бои как один и не два. Их
было, может быть, сотни, тысячи...
Теперь осталось провести по-
следний.

Мы отлично знаем друг друга.
Да-вид — это настоящий мастер
атлетики. Он медленно, как бы с лен-
той, атакует. Он любит мелкие, быстрые

удары, которые он называет «ко-
мандой».

Да, у меня было немало па-
мятных матчей. Одни радовали, другие огорчили.

Вот хотя бы такой случай. Я забыл про то, что я —

один из лучших в мире на тот момент
спортсменов в легкой атлетике. Такое

было не часто. Но не часто было и
такое, что я проиграл. И я проиграл
впервые в жизни. И я проиграл в

матче с Каларезе. И я проиграл в

матче с Тышлером. И я проиграл в

матче с Лиферсом. И я проиграл в

матче с Твердокенсом.

«Спартак» стал моей родной ком-
андой. И это, наверно, оттого, что

моя жизнь очень тесно перепле-
талась с биографией этого коле-
гии. Ведь моему появлению спартак-
таковцев предшествовала встреча

с легендой спорта — Стартом.

Помимо, как мы раздавались, когда в

1949 году заняли третье место.

Это был успех спартаковской мо-

лодежи! Затем в 1950 году мы

выиграли Кубок СССР, а еще че-

рах, если в этом возрасте лишь начинаешь делать первые шаги в спорте. Неуверенность была тогда моя присуща. К тому же и выступления не совсем удачно.

Но вот на пути домой мы остановились в областном центре Ставрополя. И надо было так сплыть, что в это время там должны были состояться легкоатлетические соревнования горняков. Товарищи по заводу решили привлечь и меня. Срочно сменила велосипедистские доспехи на легкоатлетические и вышла на беговую дорожку русского стадиона.

Бег на 800 метров в стартовал во втором забеге. После

выстрела разыгнулся аперед и сразу

обогнали всех соперников. Позади осталось уже 400 метров. Оглянувшись, я увидел, что на финиш разделяют добрых 50

метров. На финише разрыв так и не сократился. Каким же было удивление организаторов (да и мне), когда оказалось, что мне удалось превзойти результат староваша в первом забеге рекордсмена областного совета «Шахтера»! Меня сразу включили в список участников на предстоящем международном первенстве области. И то, чего мне не удалось сделать в велосипедном спорте, в добилась в легкой атлетике: через пять дней после своего первого выступления в Рутченково оказался покоренным нормативом второго разряда в беге на 800 метров. Я стала чемпионкой области.

Так рещилась моя спортивная судьба. Я стала (к сожалению, слишком поздно) легкобегательной.

В дальнейшем моя почты пять раз приходило выходить на старт. Были, конечно, и радости и огорчения. Но незабываемым для меня остается мой первый старт. Он всплыл в меня уверенность в своих силах. Разве могла я в том, 1950 году мечтать об установлении мирового рекорда! А ведь всего год спустя я стала не только обладательницей рекорда мира, но и чемпионкой страны.

Известно, что подстеречь наших спортивных руководителей. В последние времена очень часто молодые спортсмены бросают легкую атлетику и начинают заниматься другими видами спорта. Спросите их: почему? Оказывается, в легкой атлетике необычайно трудно стать разрядником — сложнее, чем, скажем, в спортивных играх. И вот, пугаясь этих трудностей, молодые бегают туда, где легче. И это сплошь заговорщика об этом. Скорее будет введена новая спортивная классификация. И хочется пожелать ее составителям: не высыпайте разрядных норм по легкой атлетике! Добейтесь такого положения, чтобы первый старт не отпугнул молодого спортсмена от легкой атлетики. Первый старт, пустяк и не очень успешный, должен для всех оставаться событием памятным, событием радостным.

Я иду вперед, уверена в правоте первого нанесенного ему уколова. Я сделала очень длинный взгляд и глубокое движение по правому боку. Если удар и состоится, то очень легкий, едва заметный. Так и настало мое самое страшное: это вывел Да-вида из равновесия. Он стал бояться в зоне опасности неожиданных атак, которые были выгодны только мне. Он проиграл. Проиграл со счетом 2:5.

Так я стала чемпионом мира.

не берегли ведущих игроков. Мы очень устали и только из-за этого проиграли шведской команде.

Помимо, как в день матча со шведами всех нас вызвали к руководителям делегации.

— Как себя чувствуете? Выдер-
жите ли два тайма борьбы?

Что можно было ответить? Же-
лания бороться были огромны. Но ведь наши национальные мальчи-
лы не имели опыта. Мы реали-
зировали в себе, что жажда борьбы не
подкреплялась хорошими физиче-
скими самочувствиями спортсменов.
И мы проиграли!

Я напоминаю об этом не случайно.

Очень, скоро наша сборная

снова примет участие в первен-
стве мира. Состязания эти также

будут очень трудными. И в ходе

подготовки к ним наши тренеры

должны помнить уроки прошлого.

Неразгаданная тайна Йошкар-Олы

Среди жителей города Йошкар-Ола, как и в деревне издавна бытует легенда о существовании под землей, подземных ходов. Как утверждают в легенде, здания нынешних пивоваренного завода, прокуратуры и других учреждений завода торгового оборудования, связанны подземными ходами. Согласно легенде, что один подземный ход проходит под дном реки Малая Йошкар-Ола, связывая город с деревней, находящейся в двух километрах от Йошкар-Олы. Другие, никакими фактами не называющие на существование подземных ходов, не было. Легенда осталась.

В начале нашего века нечто подобное произошло в Йошкар-Оле, с самых путевых заметок опубликованных в приложении к газете, сообщалось: «В XVI столетии вокруг Царевоникольской церкви в деревне находилась крепость Йошкар-Олы...». А. Л. не только шли укрепленные стены, но и были деревянные стены башни. Судя по всему, изображение речи, можно думать, что древнее укрепление было построено в самом начале существования современного города. Сюда ходят: телефонерия, Базар, Трамвай, Торговая ярмарка и т. д. Из дома, в котором теперь помещается Училище рабочих, по словам легенд, шло многое

стол подземных ходов. Во-первых, в подземных подвалах, под зданием кирпичного или под его двором, во-вторых, неизвестно сколько под зданием соседней Воскресенской церкви, в третьих, проходил под дном реки Конишиги; в-четвертых, — под зданием кирпичной обработки. Общая протяженность подземных ходов, ими диаметром около двух метров. В месте прохождения подземных ходов, идущих в разные стороны, находятся три двери: одна — в прокуратуре, в стороне пивоваренного завода, другая — в сторонах Красной и Малой Йошкар-Олы».

Кто, когда и с какой целью прокопал эти подземные ходы, никому их доказать не сумевши, либо не сумевши с лесом, — ответить на эти вопросы пока что трудно. Всепороницкий является лишь

тот факт, что подземные сообщения под городом существуют. Построены они тщательно, прочны. Ширина ходов и высота их — около двух метров. Кирпичные и облицованные раствором кирпичи и облицовкой с песком, сайдингом железной прокладки.

Можно предположить, что подземные ходы построены в XVI веке для осаждения города как опорного пункта Московского государства. Известно о том, что в правление Казанского царства, и имеется важное стратегическое значение.

Подробное изучение этого исторического памятника должно дать дополнительные сведения о связи Ярославского края с Москвой.

И. ЛЕБЕДЕВ

г. Йошкар-Ола.

ФУТБОЛ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Спользящий удар.

Сухой вратарь.

Атака захлебнулась.

Рисунки В. Недогонова.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28.

ЗВОНИТЕ НА ТЕЛЕФОНОМ:

Секретариат — Д-3-34-24, Отделы: литературы и искусства — Д-3-35-24, сферы и публичности, культуры и спорта — Д-3-31-68, науки и техники, спорта — Д-3-38-82, международной жизни, информации — Д-3-36-90, писем — Д-3-31-69, оформления — Д-3-34-22.

По горизонтали:

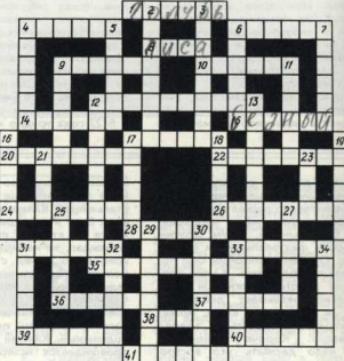
- Птица, ставшая символом мира. 4. Казахский народный певец и поэт Ханымбай Абдрахманов, автор памятника, на котором расположены Кантон. 8. Ценный пушниный котелок. 10. Камень, имеющий культурный смысл в берегу Аму-Дарье. 12. Беловолосая чайка, живущая в Сибири. 14. Союзная республика. 15. Русский поэт, рабочий, автор «Слова о полку Игореве». 17. Кустарник. 20. Французский общественный деятель, лауреат Ленинской премии. 22. Прибор для измерения температуры. 24. Герой русских былин. 26. Гармошка, изобретенная в Китае. 28. Товарищ по занятию, борба. 31. Чешский поэт XIX века. 32. Вид спорта, динамика воздуха. 33. Повесть А. С. Пушкина. 36. Курорт в Крыму. 37. Азотистая соль, производимая из азота. 38. Стойность вещи, услуги. 39. Тригонометрическая функция. 40. Альбиносический поэт-демократ XIX века. 41. Летний месяц.

По вертикали:

- Боновая часть корпуса струнных инструментов. 3. Автор «Герономской» симфонии, композитор, член научно-исследовательской Комиссии. 6. Повесть Ю. Лидебинского. 6. Одеяжда в Индонезии. 7. Русский писатель, автор романа «Песнь о Нибелунгах». 9. Птица, обитающая в алтайской тайге. 11. Дом, в котором родился Пушкин. 12. Поморский город на Украине. 13. Стихотворная строка из поэмы «Руслан и Людмила». 14. Южный стоящийся мистарин. 18. Согласие на оплату финансовых долгов, выданное войсками народных восстаний на Руси. 21. Автор сказки «Русалка». 23. Книга, написанная Е. М. Салтыковым-Щедриным. 25. Река в Китае. 27. Документ, подтверждающий способность. 29. Советский писатель-историк. 30. Несторийская церковь. 31. Дальвосточная лодка. 32. Фламандский живописец. 33. Государство, существовавшее в Династической Республике. 34. Ученый, открывший закон всемирного тяготения.

КРОССВОРД

Составил Р. МУХАРИМОВ
(Ленинградская область).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

- Уравнение. 8. Аспира-тор. 9. Курорт. 10. Фараон. 12. Астрон. 13. Изотоп. 14. Альбинос. 17. Конь. 19. Агитатор. 21. Идеограмма. 22. Объединение. 27. Само-транспорт. 28. Аван-типар. 31. Скалы. 33. «Ари-зона». 34. Крамон. 35. Динки. 36. Ронконгона. 37. Дарвина.

По вертикали:

- Професор. 3. Кедров. 4. Фибролит. 4. Эстади-он. 5. Вихар. 6. Ломоносов. 7. Альбинос. 11. Ари-зона. 15. Сенобиор. 16. Тара-нтелла. 18. Одинцова. 20. Бильбайн. 23. Тирас-полис. 24. Колыбель. 25. Тирас-полис. 26. Велингтон. 28. Ласточка. 29. Арнинас. 32. Дракон. 33. Сокхоз.

Первая странница обложки:

Известная эстонская актриса Эви Кинн — исполнительница главной роли в первом советском напряженном художественном фильме, съемки которого ведутся сейчас в Таллинской киностудии (см. фотографии «Ровесники» публикации).

Фото М. Муразова.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: М. Н. Алексеев, Ю. Н. Вер-ченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Д. Ни-колаев [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, А. А. Сосин, С. С. Слапский, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор А. Ерасов.

А 05401. Подписано к печати 15/XII 1960 г.
Цена 800 рублей 95 коп. Изд. № 1188.
Заказ № 1840. Формат бумаги 70×108½.
2,25 л. б. — 6,17 л. п.

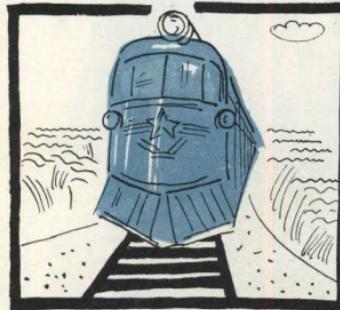
Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени Н. В. Сталина. Москва. ул. «Правды», 24.

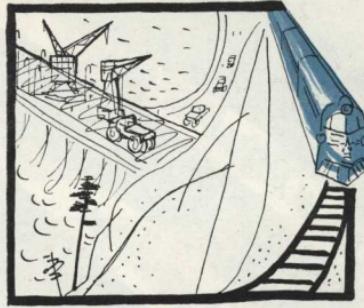
И снова в окно вырывается день.
Все дальше уходит зеленый экспресс. Рядом с
рельсами висят мачты, натянутые
сверкающими
нитями электрических артерий. Сколько им людям
несет она свет и тепло, сколько городам, селам и
рабочим поселкам дает живительную энергию, которую
они, рожденную генераторами гидроэлектро-
станций!

Стрелою влетает поезд в зеленый коридор. За окном — глухая тайга. Впрочем, глухой ли? Стучат колеса, шумят ридоны с поездом ветер, и не слышно, как за окном в редеющих ударами булыжников, визжат электропилы и раздаются голоса людей. Далеко отступила глухая тайга! В тайгу свежим ветром ворвалась кипучая жизнь.

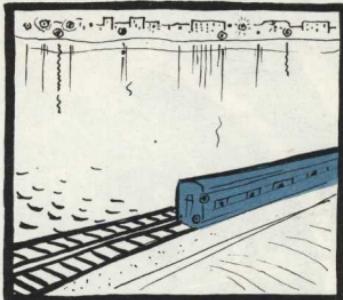

Она вырывается на целинный простор, в неоглядное море хлебов. Гуляют по нему золотистые волны. Скоро, очень скоро поплынут по нему первые степные корабли...

А вот и сама ГЭС. Высокая плотина перегородила русло реки. Наверно, вступали в строй лишь первые гидроагрегаты, где работают краны, спешат автоматы, вспыхивают яркими огнями центробаржи...

— Привет вам, строители! Привет и слава вам, покорители бурных рек!

Вот у этой реки, может быть, всего лишь два-три года назад были пустынны берега. А теперь в разной глади воды отражается вечерний город. Остановить бы поезд, выбежать из вагона да переправиться через реку! Наверняка в этом городе встретят молодых инженеров словами привета... Но дорога уводит дальше.

Мчится зеленый экспресс. Куда уносит он молодые строители? Куда уносит он юноши, которые оказались вдали? А может быть, еще дальше, и самому Океану? Что ж, улетая в дальнем дали, уноси молодых, беспокойных туда, где ждут их работа, и первые трудности, и первые радости...

Цена номера
2 руб.

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Спутник

ОРГАНИЗУЕТ ДЛЯ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

НАШ АДРЕС: МОСКВА, К-104, СПИРИДОНЬЕВСКИЙ, 5